

Литрес

РЕКА КОСТЯНЫЕ БЕРЕГА

Полина Луговцова

Тайны глухих деревень

Полина Луговцова

Река – костяные берега

«Автор»

2020

Луговцова П.

Река – костяные берега / П. Луговцова — «Автор»,
2020 — (Тайны глухих деревень)

ISBN 978-5-532-99428-7

Бывает, во время паводка реки прокладывают новые русла. Однажды река появляется вблизи одного села и при том кишит рыбой. Рыба эта ловится особым способом, известным жительнице, которую все считают ведьмой. Одни ходят к ведьме за помощью, другие проклинают, считая, что и река, и рыба - от нечистой силы. В это село попадает городской парень: шутки ради он перебирается с яхты на плывущую мимо баржу. Баржа садится на мель в зарослях камыша, откуда доносится призыв о помощи. Какая-то девушка просит парня вытащить бабушку, провалившуюся в болото. Спасенная бабушка не только странно выглядит, но и говорит загадками. С этого момента в жизни главного героя начинается череда невероятных событий.

ISBN 978-5-532-99428-7

© Луговцова П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Звонарь	6
Глава 2. Баржа	16
Глава 3. Колокол	27
Глава 4. «По щучьему велению, по моему хотению...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Полина Луговцова Река – костяные берега

*Течет река –
Костяные берега,
Ни мала, ни велика,
Ни мелка, ни глубока,
За Кудькину гору
В бескрайние просторы.
В ней водица темна,
В белый день не видно дна,
Да горька и солона,
Слез русалочьих полна.
Унесет меня она
В край несбывшегося сна:
То ли к небу, в облака,
То ли к черту на рога...*

По улице шла ведьма. С виду это была обычная женщина, еще совсем не старая, если не смотреть в ее глаза, темные, как сама ночь. Она прятала их под спутанными рыжими волосами, свесившимися на лицо, но люди все равно узнавали ее по верной примете: воздух за ее спиной затуманивался, и со стороны казалось, что за незнакомкой тянется след из зловещих тайн. Женщина не спешила, замедляя шаг возле каждого дома и потягивая носом, как голодный зверь в поисках добычи. Видно, выбирала жертву. Улица, по которой она шла, вмиг опустела: люди почуяли ее издали и поспешили укрыться в своих домах, хотя и понимали, что укрытие это не надежное: если ведьма пожелает войти, ничто ее не остановит. Она и вошла, когда отыскала подходящий дом. Прежде долго стояла у калитки, принохиваясь и присматриваясь, даже волосы с лица откинула. А потом – люди, подглядывая в окна, видели: калитка сама перед гостьей распахнулась, а после с треском захлопнулась за ее спиной. Вскоре тревожная весть разнеслась по всему селу: ведьма выбрала дом Евдокии Двухзубовой, восьмидесятилетней старухи, известной сельской целительницы. Многие к ней за помощью обращались и просили не только здоровье поправить, но и хозяйство поднять, и жизнь личную наладить. Но некоторые Двухзубову стороной обходили и поговаривали, что такой дар от добра не бывает и тем, кто им воспользовался, придется долг отдавать не старухе, а самой нечистой силе. «Потому, дескать, – говорили они, – ведьма ее дом-то и выбрала. Однако ведьма ведьму всегда учует».

После этого рыжую незнакомку больше никто не видел. Двухзубова говорила, что гостья ушла на другой же день поутру – она, вроде как, из Камышовки в райцентр направлялась, а к ней передохнуть попросилась: ведь дорога дальняя, а по весне никакой транспорт по этой дороге не пройдет, даже пешком опасно – земля зыбкая, болота кругом.

Да только никто в это не поверил. Все знали, что Камышовка опустела давно и последний ее житель, столетний старик, помер еще пять лет назад. Или не помер, а убили: какой-то буйнопомешанный из соседней деревни пришел да и зарубил его топором неизвестно за что. Но, может, это и не правда, а так, слухи...

Только с тех пор стало твориться в селе что-то неладное.

Глава 1. Звонарь

Колокольный купол приветливо подмигивал окружающему миру гладким отполированным боком, на котором то и дело вспыхивали солнечные блики. Солнце – не частый гость в этих суровых северных краях, и потому всегда долгожданный. С октября и до поздней весны неподвижно висит над крышами домов серое рыхлое одеяло, и весь поселок дремлет под ним, как медведь в берлоге – и день, и ночь, до самого мая. Лишь тогда низкие неповоротливые тучи с неохотой расступаются и снисходительно позволяют великому светилу пролить на скудную землю свое благодатное тепло, обогреть задубевшие почки на кустах вербы и дикой смородины, растопить лед в старицах, прикрытых жухлым камышом. Позволяют вдохнуть жизнь в этот сонный край, пусть и ненадолго.

По солнечным бликам на колоколе все и узнают, что тепло уже близко. Звонарь – самый первый: изба его стоит последней на краю села, прямо напротив звонницы. И всегда, как и теперь, он удивляется: отчего это колокол так сверкает? Всю зиму казался черным, будто покрытым копотью от печного дыма, а тут, гляди – вышло солнце, и вспыхнул, что червонное золото! И снова думает звонарь: «Неспроста говорят, что этот колокол – дар богов и от всякой нечисти оберегает».

Звонарь верил старым легендам, считая, что дыма без огня не бывает, хотя ни разу за свою долгую жизнь с нечистью не встречался. Потому, видно, и не встречался, что колокол бережный над селом звонит дважды в день: поутру и с вечера, и так испокон веку. Хотя, кто знает, какая она с виду, эта нечисть? Может, нормальному человеку ее и вовсе разглядеть нельзя. Болтали-то в селе разное: кому русалка у старицы примерещилась, кого леший в сосновом бору морочил, а кто и черта рогатого из сарая своего лопатой гнал... Но рассказывали это все или пьянчуги беспросветные, или бабки-ворожеи, которые сами нечисть зазывают. А чтоб с кем порядочным такое стряслось, Звонарь и не слыхивал. Правда, иногда думал: может, нечисть его стороной обходит еще и потому, что на нем святости больше, чем на прочих: как-никак, к дару богов прикасается. И никого к колоколу не подпускал. Не то чтобы не доверял – нет, не смел наказ бывшего звонаря нарушить: ведь слово дал. Тот звонарь взял его еще мальчонкой босоногим, как бабка пропала. А отца с матерью еще раньше волки в лесу загрызли, Звонарь их и не помнил. Началась у него новая жизнь, стал он обучаться великому делу – дивные звуки из медной чаши извлекать. Помнится, поначалу-то совсем ничего не выходило, смех один. «Язык» колокольный рук его слабых не слушался, звук получался безобразный, похожий на то, как тазы в бане гремят. До слез было обидно. Но старый звонарь не ругал его, улыбался в бороду, брался за засаленную веревку, обхватывая мозолистой жесткой ладонью его костлявый кулачок, и начиналось чудо: до того сладкие, переливчатые звуки неслись сверху – аж дух захватывало! То был не просто колокольный звон, а малиновый, и тогда он, маленький ученик звонаря, сразу же понял, откуда название: ясно ведь, что слаще малины ничего на белом свете нет.

Звонница стояла на склоне горы, и колокольный звон низвергался оттуда подобно водопаду или снежной лавине, врвался в сонный поселок, проникал сквозь подгнившие от вечной сырости бревенчатые стены изб, растекался по узким кривым улочкам и наполнял все пространство мощной живой силой, не оставляя места для хандры и скуки. Люди как один к звоннице лицом оборачивались и даже из домов выскакивали. Кто крестился, кто кланялся, а иные просто благостно улыбались. И все стояли, замерев. Слушали. До тех пор, пока последний отзвук не стихнет. Будто крошки со стола подбирали, голодом наученные.

А голодно жили всегда. Места вокруг были скупые: лишь топи да старицы, оставшиеся от некогда полноводной реки. Ее обмелевшее русло совсем заросло камышом, но старожилы еще помнили, где оно пролегало, и предостерегали односельчан, чтоб держались оттуда подальше,

потому как знали, что дно речное было сплошь в глубоких впадинах. Кто провалится – сам не выберется ни за что, сгинет в жидком месиве, и костей не найдут. В былые времена река немало жизнью унесла, и даже теперь, совершенно обмелев, не унимается – нет-нет да и подберет кого, засосет в свое жидкое нутро.

Настоящего названия бывшей реки никто не знал, и на нынешних картах его уже не найти. Старики говорили, будто их далекие предки нарекли реку Костяной – якобы, слишком уж часто кости разные на берег выносило, а больше всего – человеческие. Особенно по весне, говорят, страшно было. Как отступит вода после половодья, так потом вся земля по обе стороны белым-бела. Будто река людей поедала и костями их плевалась. Неизвестно только, как Костяная к жертвам подбиралась: никто на ту реку не ходил, все ее как огня боялись.

Стояла рядом с рекой одна-единственная гора. Торчала над поселком ее макушка угольная, а вокруг земля была плоская, как блюдце. Вот природа чего вытворила! Откуда же взялась та гора, неизвестно. Все только и спрашивали друг друга: «откуда да откуда», вот и прозвали гору Кудыкиной... В ней хоронили умерших, потому что кладбище по весне паводком размывало. Там же и кости, на берегу найденные, закапывали. Все рос и рос могильный курган, а костей все больше находили. Долго люди жили в страхе и молили богов о спасении, но те их будто не слышали. Однажды придумал кто-то в колокол бить, чтобы достичь божественного слуха. На Кудыкиной горе звонницу построили, где колокол повесили, по древнему обычаю отлитый – в земле, и во славу тех богов нанесли на чашу колокольную священные надписи. А после назначили Звонаря – самого достойного из всех селян.

Зазвучал над селом колокольный звон: раз, другой, третий... И поворотилась река прочь, отступила за гору и покатила свои злые воды в неведомые дали – другое русло себе нашла. Все рады были, когда исчезла река-губительница. Говорят, перед тем как уйти, не хотела река сдаваться, взбунтовалась, разлилась по полям и лесам, урожай сгубила, деревья сгноила. Всю землю навеки испортила. Но люди перестали пропадать. С тех пор в селе верили, что звон колокола богов славит, а те взамен людей от нечисти оберегают. Ведь в Костяной реке-то, не иначе, нечисть водилась.

Так и пошел род звонарей. От самого первого звонаря и до него, нынешнего, дошло железное правило, которое требовалось всем звонарям неукоснительно соблюдать: только с добрым сердцем и светлыми мыслями можно было к колоколу прикоснуться. И уж давным-давно никого посторонних к святыне не подпускать. А не то, говорили, беду накликать можно. Вон, к примеру, соседняя Камышовка опустела совсем, да говорят, не просто опустела, а вымерла – не иначе, из-за нечисти. Мужики, которые по осени в те края навевывались, ни одной живой души не встретили: избы нежилые, бесхозные, а вокруг – лес мертвый, ни зверья, ни птиц. «Так что беду немудрено накликать – вот она, рядом совсем. Только колокол и спасает. Пусть трудно, пусть голодно живем, а живем ведь!» – так думал Звонарь в то утро, когда впервые после долгой зимы бока колокольной чаши вновь засверкали на солнце.

Пора было отправляться к звоннице. Вода в ведре на печке за ночь остыла, но все ж была не такая ледяная, как в колодце, – скулы не ломило. Звонарь торопливо умылся, подумал, не подбросить ли пару поленьев в топку, и решил, что так сойдет. Ведь солнечно сегодня! Вспомнил о том, и на душе потеплело. Весна... Даже скудный завтрак из надоевшей вареной картошки и луковицы не омрачал радости, нарастающей внутри. Скоро, скоро все изменится к лучшему!

Накинув телогрейку и сменив валенки (не очень-то удобная обувь для дома, зато можно сэкономить дрова) на кирзовые сапоги, Звонарь вышел во двор и отпер калитку. Из соседней избы, стоявшей на противоположной стороне улицы, доносились гневная ругань и залиvistый детский плач. В мутных окнах дома над поваленным набок забором металась серые силуэты. Вдруг в доме раздался грохот, будто упало что-то тяжелое – по меньшей мере, шкаф, – и одно из оконных стекол брызнуло наружу россыпью осколков. Сразу стало очень тихо, но всего через

мгновение брань хлынула из окна пуше прежнего. «Чего это Шукины воюют?» – Звонарь озадаченно поскреб шею и шагнул, было, по направлению к соседскому дому, но остановился в растерянности. Он не мог позволить себе влезать в чужие раздоры, прежде чем исполнит утренний колокольный звон. «Только со светлыми мыслями», – вспомнился ему наказ покойного наставника. Повернул налево и пошел, спеша уйти подальше, но до его слуха еще долго долетали истеричный женский крик и глухая матерная брань. Удалось даже разобрать одну фразу: «Соображаешь, скотина, чем я теперь детей кормить буду?!»

Досаду, что мысли о соседях мешают настроиться на нужный лад, Звонарь резко ускорил шаг и с размаху вступил в лужу. Жирные комья грязи взметнулись вверх из-под сапог и осели на брюках и тулупе. Досады еще прибавилось, и он едва сдержался, чтобы черта не помянуть. Только этого не хватало!

Идти до звонницы было не близко. Обычно путь занимал около получаса, если не спешить. А теперь Звонарь почти бежал, даже дыхание сбилось, но чудилось ему, что гора, на которой высилась звонница, пятится, отступая с той же скоростью. «Нехороший знак!» – От этой тревожной мысли в груди неприятно кольнуло. Звонарь остановился, замер, прислушиваясь к ощущениям. В последнее время возраст все чаще напоминал о себе хрустом в суставах, болью в пояснице и ногах, но сердце пока не подводило. «Чего это я разогнался? Поди, не опаздываю!» – мысленно урезонил он себя и пошел уже медленнее, тем более что дом Шукиных остался далеко позади. Да и перед подъемом в гору надо бы выровнять дыхание, а то мало ли что там кольнуло. Ведь ученика у него до сих пор нет. Некому важное дело передать. Вот помрет Звонарь ненароком, и сгинет поселок Кудыкино как не бывало.

Впереди простирался участок рыхлой бугристой земли, обычно используемый селянами для выращивания картофеля, – небольшой клочок, отвоеванный у болот и тщательно оберегаемый от сырости. Для этого жители прокопали по его периметру узкие, но глубокие – с полтора метра – траншеи, в которых почти все лето стояла вода. Но земля все равно была сырой, даже в засушливый сезон.

Скоро придет время пахать. А сейчас ровные ряды пустых картофельных лунок напоминали ячейку для яиц: кое-где посреди черных, блестящих от влаги впадин еще белел осевший снег. За многие годы Звонарь протоптал крепкую тропинку, и оттого издали казалось, что поле туго перетянута черным жгутом. В тех местах, где снег уже сошел, земля была чернее ночи и выглядела зыбкой. Звонарь шагнул на тропу, чувствуя, как внутри разрастается противный холодок, разносится по венам, достигает кончиков пальцев, вызывая неприятное покалывание. Представилось почему-то, как нога его соскальзывает с тропы, проваливается в картофельную лунку и погружается все глубже, глубже, и вот он теряет равновесие, падает и уходит с головой в землю, так и не нащупав опоры под ногами. А там, в самом-самом низу, – пекло.

Звонарь отогнал дурные мысли и пошел вперед, устремив взгляд на колокол, будто ища защиты у своей святыни. Вскоре страх отступил, и окрепла уверенность в том, что зло, пропитавшее эту землю вместе с водами, оставшимися от поганой реки, не посмеет к нему притронуться. Потому что колокол сверкал, затмевая собой солнце и весь мир.

Он с легкостью подростка взобрался на гору и затем, не останавливаясь, на площадку звонницы, не чувствуя груза прожитых лет. Глянул вниз, на серый поселок, на островки мертвого голого леса, на заросли жухлого после зимы камыша и проступающие в них очертания высохшего речного русла. Вдохнул всей грудью сырой студеной воздух и взялся за веревку колокольного языка. С силой потянул в сторону, и тотчас вместе с зарождающимся звуком первого удара по всему телу прошла волна приятной дрожи. Телогрейка распахнулась (он расстегнул пуговицы для удобства), и ветер заключил его тело в ледяные объятия, но уже спустя минуту стало жарко. Пот заструился по лбу, по вискам, по спине. Частота ударов нарастала, и в такт им, казалось, ускорялось биение его сердца. Колокольная чаша вздрагивала и раскачивалась над головой, послушно отзываясь на его усилия глубоким мерным гулом. Округлые

тяжелые звуки покатались в расстилавшееся внизу пространство, вдребезги разбивая утреннюю сонную тишину.

Звонарь вновь ощутил священный трепет, мысленно сливаясь с колоколом воедино и представляя, как звон проходит сквозь его тело, наполняя светлой силой. «Божественный звон! Малиновый!» – подумал он с восторгом. Руки его метались над головой все быстрее, удары слились в единый, непрерывный пульсирующий гул, а состояние блаженства нарастало внутри, но... посторонний звук грубо нарушил гармонию – похоже, чей-то крик, резкий, пронзительный, ужасный. Рука звонаря дрогнула, и колокольный «язык» выбил некое вялое бряцанье, обезобразив сладкозвучный поток. Звонарь почувствовал себя так, будто его толкнули в спину и он с разбегу плюхнулся прямо в грязь. Открыв глаза, всмотрелся вдаль в поисках кричавшего. Поселок был перед ним как на ладони: узкие улочки, сжатые по бокам низкими деревянными заборами, дворы, заваленные кучами разносортного хлама, а посреди них – черные избы, дремлющие под притворенными ставнями. Из печных труб тонкими струйками поднимался белесый дымок, довершая картину сонного покоя. Никакого движения – разве что дворовый пес копошился у будки, наверное, пытаясь откопать спрятанную с вечера кость, да пара тощих котов лениво вышагивала по крыше дома в поисках удобного солнечного местечка.

В следующий миг на ближайшую от картофельного поля улицу выскочил его сосед, Щукин-старший, и Звонарь вздрогнул от ужаса: показалось, что в руке тот держит женскую голову – длинные космы волочились по земле, – но потом стало ясно, что это всего лишь растрепанный моток веревки. Однако вид у Щукина был пугающий: под распахнутой курткой белела растянутая футболка с темными влажными пятнами, подозрительно смахивающими на свежую кровь. Мужчина повернулся спиной и быстро зашагал, направляясь в противоположный конец села. Вслед за ним, истошно крича, выбежала и помчалась вдогонку его жена. Звонарь не успел разглядеть ее одежду – не было ли и на ней кровавых пятен, – но с облегчением отметил, что бежала Щукина довольно резво, а главное – голова ее была на месте. И все же душераздирающие крики женщины наводили на мысль о том, что утренняя перебранка супругов достигла стадии войны и добром это не кончится. «Как бы беды какой не натворили!» – с тревогой подумал Звонарь и начал торопливо спускаться с горы, сожалея, что отзвонить, как положено, ему в этот раз не дали.

Сердце снова кольнуло, когда, добравшись до дома Щукиных, Звонарь услышал детский плач. Свернул во двор и остановился перед крыльцом, на котором, дрожа не то от холода, не то от страха, сидели Щукины-младшие – грязные, полураздетые – и ревели в унисон. Заметив его, разом испуганно замолчали и шумно зашмыгали.

– Чего тут у вас стряслось? – спросил Звонарь и тут же охнул, увидев на растрескавшихся старых досках одной из ступеней окровавленный тесак. Его взгляд заметался, оглядывая детей в поисках увечий, но не находил: с виду все были в порядке, разве что явно замерзли.

– Давайте-ка в дом, – распорядился Звонарь, поднимая на руки трехлетнего Лешку. Его старший брат, тринадцатилетний Колька, не двигаясь с места, выпалил:

– Батя пошел бабу Дусю убивать, потому что она ведьма! – Мальчишка стыдливо вытер грязным кулаком мокрое от слез лицо и затараторил: – А еще батя корову Зинку зарезал! А мамка стала его ругать, и он ее толкнул, а она его сковородкой огрела и прятаться побежала, а он погнался за ней и стол перевернул, на котором Зинкино мясо было и таз с кровью, и теперь там все в кровище, мы туда не пойдем!

– Во-он чего... – протянул Звонарь, осмысливая услышанное. Потом спохватился: – Ну-ка, Колька, идем ко мне. Правда, печка не топлена, прохладно в доме, но все ж не на улице! Займись пока растопкой, дрова в дровнице во дворе. А я ненадолго по делам отойду.

– За батей пойдете? Я с вами тогда! – ответил паренек, и голос его прозвенел натянутой струной.

– Нет, не пойдешь! – Звонарь перехватил поудобнее сползающего с рук Лешку. – Кто за братом присмотрит? Его согреть надо, простынет же!

Колька упрямо насупился и бросил взгляд за калитку.

– За мамку боюсь. Батя вообще озверел. Вдруг с мамкой чего? – Он умоляюще глянул в лицо Звонарю. – Хотел было сразу за ними, но Лешка как давай орать!

Уговорить Кольку все-таки удалось, хотя и с трудом. Звонарь проводил Шукиных-младших в свою избу и поспешил в другой конец поселка, к дому той самой бабы Дуси, которую, по словам Кольки, отправился убивать его отец. Надежда на то, что это была пустая угроза, рассеялась при виде толпы гомонящих односельчан, собравшихся во дворе и перекрывших проем в открытой настежь калитке. Из дома доносился панический визг бабы Дуси и грохот падающей мебели.

Звонарь попросил дать ему пройти. Люди, завидев его, заговорили наперебой:

– Скорей, скорей, может, тебя послушает!

– Вот дурная башка этот Шукин! Ведьму, говорит, в болоте утопить надо!

– А какая ж она ведьма, Дуся-то наша? Всех лечила, всем помогала, подсказывала, какую травку заварить да какое слово пошептать!

– Вот и дошепталась Дуся! Заговоры – они от нечистой силы, всем известно!

– Да с чего это? Заговоры ж во благо, а не во вред!

– Да с того! Бывает и зло во благо, и добро во вред! Нечего шептать было! Всех наших баб научила, почитай, все вы теперь ведьмы!

– Замолчи, старый хрыч, масла-то в огонь не подливай, прикуси язык свой поганый!

Звонарь протиснулся сквозь толпу бранящихся и вошел в дом.

Шукин, красный, как рак, сидел на полу, связанный, и сипел. В уголках рта собралась белая пена. Синие вены вздулись на лбу, шее и висках, угрожая полопаться от натуги. Двое мужиков удерживали его, порывающегося встать и перебирающего спутанными веревкой ногами, а из глубины дома доносились тяжелые вздохи – похоже, бабы Дуси – и уговаривающий девичий голосок.

– Ты как, бабулечка? Только не умирай, пожалуйста! Вот, водички выпей.

Звонарь узнал голос внучки Нюры. Родители оставили девочку жить с бабкой и уехали на заработки куда-то далеко на север, обещали позже забрать обеих, но с тех пор уже несколько лет прошло, и Нюре (он задумался, подсчитывая), получалось, должно было исполниться шестнадцать. Будущее ее ожидало нерадостное: мужиков-то нормальных в деревне не осталось, парни подрастали и уезжали сразу. А если кто и оставался, так едва ли взглянул бы на такую: уж больно страшненькой уродилась. Так и будет с бабкой куковать, пока та не помрет. А потом останется одна-одинешенька.

– Как там баба Дуся? – спросил Звонарь у мужиков, кивком указав в сторону комнаты, из которой слышались старушечьи причитания.

– Да кто ее знает... Вроде, жива, но, может, сломано чего, – ответил один из них, одновременно встряхивая за плечи пытающегося вывернуться Шукина, и следом рывкнул, обращаясь к строптивому пленнику: – А ну, угомонись, Шука! Не то садану так, что неделю отлежаться будешь!

– Какой бес тебя сегодня попутал, а? – Звонарь посуровел, присев перед соседом на корточки и глядя в его перекошенное от ненависти лицо.

– Ведьма она... – прохрипел в ответ Шукин. – Точно тебе говорю: ведьма!

– Во-он чего... – протянул Звонарь, пытаясь сдержать разворачивающийся в груди огненный клубок гнева. – И как давно ты это выяснил?

– Всегда знал! А сегодня – все! Терпение мое лопнуло! Знаешь, чего ночью было?!

– Ну, говори, – кивнул Звонарь терпеливо, понимая, что едва ли услышит какое-то разумное объяснение.

Щука сглотнул, и кадык под щетинистой синеватой кожей на шее резко дернулся.

– Так вот! – начал он. – Проснулся я от того, что корова в стойле мычала. Жалобно так, протяжно. Смотрю – ночь на дворе. Дети спят, а жены нет в кровати. Помчался в сарай, а она там обряд колдовской над коровой творит, понимаешь? Прутом березовым ее по бокам охаживает и шепчет при том слова бесовские, заклинание какое-то. Меня увидела, побелела аж... Ну, я ее хватя за волосы да пинком домой загнал и запер в избе. А Зинку прирезать пришлось, хоть и жалко. Все из-за ведьмы проклятой! Научила дуру мою, как нашептывать, чтоб корова молока больше давала. А на кой черт мне такое поганое молоко?!

– Ты ж детей до смерти перепугал, изверг! – Выслушав сбивчивую речь Щукина, Звонарь счел доводы нелепыми и еле сдерживался, чтоб не ударить ополоумевшего соседа. – Да еще корову зарезал! Кто ж скотину-то по весне режет, дурень? Скоро трава свежая нарастет, вот и было б тебе молоко... Что ж ты, молоком колдовским побрезговал, а мясо, выходит, лопать за обе щеки собрался? Всю избу кровью залил, Колька сказал. Сидели с Лешкой во дворе, раздетые, зайти в дом боялись.

– Ничего, пусть знают, что мать их с ведьмой спуталась, а значит, и сама тоже ведьма... Почти, – добавил он, подумав. – Ну, а мясо есть мясо, не выбрасывать же продукт, когда и так жрать нечего!

– Вот! Вот именно! – раздался женский крик из глубины дома. – Мясца ему хотелось, потому и корову зарубил! Давно порывался, да я все удерживала. А тут повод нашел! И чем мне теперь детей кормить?! Кашей на воде? Ни масла, ни сметаны. Сожрешь корову, и что потом-то, а?!

В дверном проеме показалась опухшая от слез и сильно растрепанная жена Щукина. В глазах ее сквозило отчаяние.

– Будет браниться-то, – обратился к ней Звонарь, перебивая разразившегося ответной бранью Щукина. – Иди к детям, Нина. Они в моей избе отогреваются. Успокой ребятню, а после хату свою прибери.

Взгляд женщины переметнулся с мужа на Звонаря, губы ее вздрогнули, собираясь, судя по выражению лица, произнести какую-нибудь колкость, но в последний момент сжались в прямую линию. Щукина горестно выдохнула и, низко наклонив голову, ринулась прочь из дома. Может быть, ей даже стало стыдно перед людьми.

– А этого теперь куда? – спросил один из мужиков, всем видом давая понять, что возиться с разбуянившимся односельчанином он дольше не намерен.

– До дому ведите, куда ж еще. Хотя... Свяжите покрепче да в коровнике запирайте. Пусть до вечера посидит, обмозгует все. Может, поймет, чего натворил.

– Да развяжите, сам пойду! – Щукин яростно взбрыкнул ногами, громко стукнув сапогами о пол. – Не трону бабку, обещаю! Сегодня, так и быть, не трону.

– Кто ж тебе поверит?! Едва оттащили! – С этими словами конвоиры подхватили Щукина и повели к выходу. Тот вдруг вздернул голову и пронзительно заорал, возводя взгляд к потолку:

– Баб Ду-усть! Деньги-то отдай, слышь?! Деньги, что за обряд с жены брала! Отдай! Не то еще приду! Баб Ду-усть!

Так и увели его, оставив без ответа. Лишь горестное оханье из дальней комнаты стало громче. Звонарь хотел пойти посмотреть на пострадавшую, да вдруг опомнился: неловко, вроде бы, без спросу. Позвал:

– Нюра! Евдокия Пална! Можно к вам?

Охи стихли, послышался шелест занавесок, скрывавших вход в спальню, и перед Звонарем возникла нескладная странная фигура. В первый миг почудилось, будто это крупная птица, вроде цапли: тонкие, похожие на две хворостины ножки с острыми, выпирающими подобно сучкам коленками; выгнутая вперед шея, длинный прямой нос, слишком большой для такого маленького лица, торчащий между круглых глаз, похожих на пуговицы, и будто чужое, пол-

ное округлое тело, обтянутое мягким застиранным халатом серого цвета. «Ни дать ни взять – цапля!» – подумал Звонарь, разглядывая Нюру. Давно он ее не видел, даром что живут в одном селе. Напряг память, вспоминая их последнюю встречу. Да, пожалуй, не меньше двух лет назад, и то мельком: столкнулись случайно у перевозного магазинчика, и он толком-то ее и не рассматривал. Только поздоровался с бабой Дусей, а Нюре подмигнул и поддел указательным пальцем кончик носа, как обычно приветствовал местную мелюзгу. Тогда-то ее нос не такой длинный был. Надо ж, как за два года вытянулся! Да и сама Нюра вытянулась, повзрослела. Только красоты не прибавилось, как это с другими девками бывает, а даже наоборот. Подурнела так, что едва признал. Надо ж...

– Ну, как там Пална? – спросил, стараясь не выдать своего неприятного впечатления.

– Ничего. Отдохнет сейчас, и полегчает. Сердце давит, жалуется. Но это у ней пройдет. Я уж капелек накапала. – Голос у Нюры оказался на редкость незвучный для юной девушки: с хрипотцой и какой-то низкий, даже утробный, что ли. «Вот же Бог обидел девчонку!» – мысленно поразился Звонарь, а вслух спросил: – Может, Клима Евгеньевича позвать? Он хоть фельдшер, но в медицине понимает.

– Да не надо, дядя Юра. Все нормально будет. Ничего он ей не сделал, Шукин. Он ее не бил ведь, а связать только хотел. Собирался на болото утащить и утопить там. Вроде, если не утонет – значит, точно ведьма, и тогда ее сжечь положено. А если начнет тонуть, тогда вытащит. Говорит, что так с древних времен ведьм проверяют, – Нюра прислонилась круглым плечом к дверному косяку. Похоже, и сама понервничала так, что ноги не держали.

– Пойду я. Если что – прибегай за помощью. Помнишь, где мой дом? – Звонарь хотел было повернуться, чтобы уйти, но вспомнил кое-что и обернулся. – А что за деньги Шукин с бабы Дуси требовал?

– А, это? Да там деньги-то невеликие, так... Это бабуля для меня копит. Хочет в город отправить, в училище документы подать. Не знаю, зачем оно... Мне и здесь хорошо живется. Но бабуля все твердит, что надо на профессию выучиться, чтоб деньги зарабатывать и в городе жить. Село наше, говорит, – это болото, слезами сочащееся, представляете? – Девушка понизила голос до шепота. – Она мне как-то рассказывала, что раньше, когда рядом река была, все жили сыто и богато. В реке рыбы было полным-полно, а земля урожаи давала каждый год, и болот вокруг совсем не было – одни поля и леса. Это правда, дядь Юр? Почему все стало плохо?

Звонарь вздохнул, задумавшись. Рассказать или нет? Да ведь он сам толком правды не знает. Может, и не было такого на самом деле, а только слухи одни.

– Пойду я. – Он слегка склонил голову, давая понять, что разговор окончен, и одновременно извиняясь. Нюра вежливо улыбнулась в ответ, и под длинным носом обозначился крошечный ротик, до этого почти незаметный из-за чрезмерной бледности губ, сливающихся с лицом.

Входная дверь не успела за ним закрыться: неожиданно прозвучавший выкрик заставил замереть на пороге:

– Эй, ты! Думаешь, спасибо скажу?! Хрен тебе! Благодетель нашелся! Считаешь, Шукин злодей? Не-ет... Это все ты! Твоя вина, что он на меня кинулся! – Хриплый голос бабы Дуси, донесшийся из глубины дома, прервался свистящей одышкой.

Звонарь оглянулся. Нюра испуганно таращилась в сторону спальни.

– Чего это ты осерчала, Евдокия Пална? – удивленно спросил он, не сходя с порога и удерживая спиной входную дверь.

– Будто не знаешь! Своими рассказами о нечисти людям голову заморочил! А они с голоду сохнут, вот и кидаются, как цепные псы! Я ж помочь хоте... – Голос бабки сорвался, сменившись хриплым кашлем.

Воспользовавшись паузой, Нюра замахала на Звонаря обеими руками:

– Идите, дядь Юр. Не спорьте с ней! Не надо.

Звонарь понимающе кивнул и вышел в сени. Дверь захлопнулась, заглушив кашель старухи, похожий на исступленный собачий лай.

Народ во дворе расступился перед ним, пропуская к калитке. Людей было уже не так много: часть зрителей разошлась, наверное, посчитав, что после того, как увели Щукина, больше ничего интересного не будет.

– Ну как там Дуся? Жива? – донесся из толпы участливый женский голос.

– Жива, – буркнул Звонарь, не поворачиваясь.

Неподалеку от калитки посреди улицы стояли четверо мужиков. Звонарь узнал их: местные забулдыги и лодыри. Хотя и работали в поле иногда, но больше для отвода глаз, чтоб получить свою долю урожая, и только мешали всем, устраивая попойки и драки. Не раз приходилось разнимать их, чтобы они не поубивали друг друга.

Мужики, похоже, говорили как раз о нем, судя по косым взглядам. Звонарь поравнялся с ними, поприветствовал и, отвернувшись, хотел пройти мимо, но один из компании окликнул его:

– погоди, дядь Юр! Дело есть.

«Какие у них могут быть дела?» – подумал Звонарь и, не скрывая недовольства, остановился в нескольких шагах.

– Мы тут подумали... – начал один, самый высокий и крепкий с виду, в распахнутой телогрейке. То ли ему было жарко от того, что уже принял порцию горячительного, то ли хотелось продемонстрировать новую красную футболку с иностранной надписью над изображением бутылки с газировкой. То, что вещь совсем новая, можно было понять по отсутствию на ней грязных пятен, хотя чумазая физиономия владельца выдавала его нечистоплотность. «В райцентре был недавно», – определил Звонарь, зная, что ни в Кудыкино, ни в соседнем селе никакой одежды не продавалось, если не считать хозяйственную лавку Пантелеевых, где можно было приобрести разве что перчатки для сельхозработ и резиновые болотные сапоги – точно такие же, какие были на ногах у заговорившего с ним односельчанина. Тот, кстати, явно нервничал, судя по тому, как усердно ковырял носком сапога волглую землю, втапывая в грязь первую молодую травку. От этого зрелища Звонаря почему-то передернуло, и мелькнула мысль, что такие люди могут втоптать в грязь все что угодно – и траву, и цветы, и все самое прекрасное, потому что ничего прекрасного давно уже не замечают. Он поднял взгляд на собеседника, который так и не сказал еще ничего вразумительного: все мямлил да тянул гласные, подбирая слова.

– Ну? – поторопил его Звонарь. – Спешу я, говори уже!

– Тут... это... были мы, значит, вчера в райцентре... А там «камазы» пришли, металл принимают. Деньги платят хорошие! – Глаза говорившего вдруг блеснули по-волчьи, отчего Звонарь непроизвольно сделал шаг назад.

– Ну и что? Я здесь при чем? – ответил он, делая вид, что не понимает, к чему тот клонит.

В разговор вмешался еще один из компании, в облезлой кожаной кепке, из-под козырька которой свешивались до самого носа длинные рыжие волосы.

– Да ладно, Гриш, хватит обиняков! – перебил он приятеля и обратился к Звонарю: – Колокол-то твой медный, кажись, а?

– Даже не думайте! – глухо прорычал Звонарь, замотав головой и отступая. – Не доводите до греха!

Четверо двинулись на него – медленно, но уверенно, глядя исподлобья. Казалось, они готовы были вот-вот зарычать, как голодные волки, нацелившиеся на добычу. От таких жди беды. Звонарь инстинктивно поднял воротник, прикрывая горло.

– Дядь Юр, ты же сам знаешь, что жрать в селе нечего, а до следующего урожая – как до морковкина заговенья... – На этот раз подал голос человек в женской вязаной шапке с огромным меховым помпоном. Вряд ли он купил эту вещь в магазине – наверняка где-то случайно

раздобыл, и было в этом что-то такое, что казалось Звонарю отвратительным, почти непристойным.

– А медь, выходит, дорогая, – поддержал его главарь в красной футболке. – Знаешь, сколько за кило дают? Триста рэ! Колокол, поди, пару центнеров весит, а? Мы уже и подсчитать успели: это аж шиссят тыщ, а может, и больше! Деньжищи какие! Ты подумай, мы ж с тобой поделимся.

Звонарь молчал, боясь открыть рот, будто разрастающийся внутри огненный клубок гнева мог при этом вырваться наружу и превратить наглецов в кучку пепла. А те, по всей видимости, истолковали его молчание по-своему, решив, что он впечатлен озвученной суммой, и загалдели наперебой с пылом солдат, штурмующих крепость, готовую пасть:

- Seriously, дядь Юр, деньги-то хорошие!
- Хоть толк какой-то будет!
- Проживем мы без твоего тили-тили-бом!
- Конечно! Кому этот трезвон нужен? Этим сыт не будешь!

И вдруг замолчали, так же внезапно, как и начали. Наверное, по изменившемуся выражению лица Звонаря они догадались, что он не в восторге от их предложения.

Звонарь не стал отвечать им – не смог. Повернулся спиной и двинулся прочь, чувствуя затылком их злобные взгляды. До его слуха донеслись недовольные голоса несостоявшихся дельцов:

- Говорил я тебе, что все это без толку!
- Ладно, глядишь, обмозгует все да сам придет.
- И не мечтай! Ты его рожу-то видел?
- Я слышал, что «камазы» еще дня два простоят и уедут.
- Потом-то не скоро еще...

Поток нецензурной брани, раздавшийся где-то в конце улицы, перекрыл голоса за спиной. Звонарь вскинул голову и понял, что крик доносится со стороны дома Щукиных. «Что-то никак хозяин сегодня не уgomонится», – подумал он, ускорив шаг. Добравшись до места, свернул к калитке – та оказалась не заперта. Во дворе стояли знакомые мужики, которые недавно увели Щукина-старшего от Двухзубовой. Похоже, они успели закрыть дебошира в его собственном сарае рядом с домом, судя по гневным крикам, доносившимся оттуда и сотрясавшейся под ударами двери.

– Откройте, мать вашу, сказал! Откройте, гады, а не то хуже будет!

– Надо было ему кляп соорудить! – заявила появившаяся на пороге жена Щукина, но, заметив Звонаря, смутилась и пояснила извиняющимся тоном: – Дети боятся. Вот ведь озверел совсем! Как будто околдовали!

– О, слышали?! – выкрикнул Щукин из-за двери сарая. – Издевается! Сама колдовка, а овечку из себя строит! Эй, ты, жена! Отпирай, давай! Не бойся, не трону, мараться не хочу! Уйду отсюда к черту! Достали все! Доста-али-и! – Наверное, он бы еще долго пинал дверь, истерил и сыпал угрозами, если бы не прозвучал голос Звонаря, гулкий и мощный, как уханье филина в ночном лесу:

– Куда это ты собрался, сосед?

Ответил Щукин уже совсем другим тоном – хотя и недовольным, но уже без надрыва и визга:

– Куда-куда... За Кудыкину гору!

– А детей твоих кто кормить будет? – строго спросил Звонарь, подходя ближе к сараю, на двери которого еще покачивался после встряски огромный навесной замок.

– Денег заработаю и почтой пришло, – буркнул дебошир неуверенно.

– Ладно, – согласился Звонарь, и в тот же миг жена Щукина испуганно ахнула и звонко всплеснула руками, испугавшись, что буйный муж вот-вот окажется на свободе, но Звонарь

успокаивающе подмигнул ей и продолжил, обращаясь к притихшему за дверью узнику: – Сегодня переночуешь, а завтра пойдешь. Великие перемены надо с восходом начинать, а сегодня уже полдень почти.

– Что, выпустишь, что ли? – искренне удивился Щукин.

– Выпущу. Вот прям с рассветом и выпущу, – ответил Звонарь с явной ехидцей.

– Охренели совсем! – Судя по интонации, сосед все же решил смириться со своей участью. Дверь внезапно сотряслась от удара, лязгнули в петлях дужки подскочившего от встряски замка, а потом за стенами сарая захрустело сено – похоже, глава семейства Щукиных, выместив на двери остатки зла, устроился на сеновале, сообразив, что протесты сейчас не помогут.

Звонарь с облегчением вздохнул и отошел к топтавшимся у крыльца мужикам.

– Спасибо, что помогли. За ночь остынет, думаю. Может, утром еще придете? Вместе отопрем, а то вдруг он снова буяннить вздумает.

Те согласно кивнули и, попрощавшись, вышли из калитки на улицу.

Нина все еще стояла на крыльце, бледная и растрепанная, с виноватым видом.

– Прости моего дурака, – тихо сказала она, опасливо глянув в сторону сарая. – Не пойму, что на него нашло.

– А про березовый прут и заговор – это правда? – спросил Звонарь, понизив голос так, чтобы Щукин-старший не услышал вопроса.

– Так ведь... – Женщина хотела что-то сказать в свое оправдание, но запнулась и молча кивнула.

– Зря ты, Нина. Не надо было. Не знаешь разве – если нечистая сила что и дает, так только беду и горе?

– Почему же сразу «нечистая сила»? В заговоре ничего о ней не сказано.

– Кого обмануть-то хочешь? – Звонарь усмехнулся, и соседка съежилась под его укоризненным взглядом, но потом упрямо возразила:

– Когда дети голодают, кого угодно о помощи попросишь.

– Так уж и голодают! Все ведь живы-здоровы. А вот колдовством своим ты болезнь на них навлечь можешь. Заговоры эти бабыдусины – не к добру! Всем это говорил, и тебе тоже.

– А я не верю в то, что она ведьма! – шепотом, но с вызовом ответила Нина, отступая к двери. – Мало ли что в селе болтают! Болтают, болтают, а все равно к ней за помощью идут! Она всем помогает, никому зла не делает!

– Я тебе, Нина, так скажу: не ведьмы в бедах виноваты, а люди, которые к ним с просьбами обращаются. Кланяются силе темной, не замечая, как тьма окружает их со всех сторон. Когда опомнятся, глядь – а отступить уж некуда. Кругом топь.

Звонарь показалось, что в глазах Нины мелькнуло понимание, она вдруг перевела взгляд куда-то вдаль, будто хотела увидеть ту самую топь, подбравшуюся к селу, к домам, притаившуюся в зарослях камыша в ожидании неосторожного путника. Но спустя мгновение женщина, будто решив что-то про себя, отрицательно качнула головой и со словами «Не верю!» скрылась за дверью своего дома.

Глава 2. Баржа

Яхта покачивалась на воде, сверкая на солнце белыми глянцевыми боками, над которыми вызывающе рдели паруса. Алые полотнища выгнулись дугой под мощным потоком попутного ветра. Как и положено по классике жанра, Грэй в белоснежной рубаше стоял на носу, обнимая за плечи свою Ассоль, и со стороны казалось, что юноша безмерно счастлив.

На самом деле это была лишь маска, готовая вот-вот слететь, и он ее старательно удерживал с помощью отработанной улыбки, являющейся важной частью имиджа успешного, беззаботного и ни в чем не нуждающегося парня, – таких теперь называли «мажорами». Главное – чтобы Ассоль случайно ничего не заподозрила и не сбежала к более состоятельному покровителю.

Законы в современном мире не давали никакой надежды на искренние романтические отношения: девушки даже не смотрели в сторону парней, не имеющих приличного автомобиля и дебетовой банковской карты, – так он считал. Не все девушки такие, конечно. Но в том-то и дело, что Борису нравились только те, кто знал себе цену. Те, кто принимал дорогие подарки как должное, кто любил ужинать в приличных ресторанах и разъезжать на дорогих авто. Те, кто имел право рассчитывать на все это – девушки с модельной внешностью, притягивающие к себе взгляды. Лучшие. Его Ассоль (а по паспорту – Лера Красавина) была как раз из таких. Сегодня он намеревался растопить ее надменное ледяное сердце романтическим подарком ко дню ее рождения: арендовал яхту с бутафорскими парусами и вырядился Грэем.

Надежды провести день вдвоем не оправдались: Лера захотела пригласить гостей, и поэтому вместо приятной беседы с обожаемой девушкой Борис получил шумную вечеринку. Музыка гремела над рекой, сдобренная тяжелыми басами сабвуферов, не оставляя ни малейшего шанса завести разговор. Девчонки, визжа и размахивая руками, танцевали вокруг мачты, особенно стараясь, оттого что парни снимали их на видео. Хлопки открывающихся бутылок с шампанским каждый раз вызвали бурные аплодисменты, и Борис уже перестал считать выпитые бокалы. Но всеобщее веселье не помогло даже на время избавиться от мыслей о приближающемся крахе. Борису не терпелось достать телефон и заглянуть в торговую программу с графиками акций московской биржи. Прошло не меньше часа с тех пор, как он видел их в последний раз. Страшно подумать, что могло произойти за это время с его счетом: уже несколько дней рынки акций здорово лихорадило.

Конечно, он сам был виноват. Сам загнал себя в ловушку. Поддался охватившему азарту, размечтался, как сопливый мальчишка! Думал, по-быстрому сорвет куш, а получилось наоборот: его счет скукожился чуть не вдвое, и сложившаяся на рынке ситуация грозила в скором времени оставить от него пустое место. Превратить в ноль. Ноль – это конец, из него ничего нельзя вырастить. Пока же на счете оставались какие-то деньги, оставалась и надежда, но стремительно таяла вместе с ними.

На самом деле шансы на успех были немалые. Когда Борис открывал короткую позицию в акциях «Норильского Никеля», котировки на этот металл уже с неделю катились под откос, и график акций должен был неизбежно показать схожую динамику. Вначале так и было: счет Бориса плавно подрастал. Потом падение акций остановилось и, к его удивлению, вовсе сменилось ростом. Чем сильнее дорожали акции, тем меньше денег оставалось на его счету, но Борис поначалу даже не волновался: никель продолжал дешеветь, а значит, переворачиваться из «шорта» в «лонг» не имело никакого смысла. Однако акции металлургического комбината дорожали все быстрее, будто дешевающий металл не имел к ним никакого отношения! Каждый раз, заглядывая в график, устремленный почти вертикально вверх, Борис надеялся, что видит дурной сон, который скоро закончится. Но кошмар продолжался. И только когда ужас перерос в панику, выяснилось, где крылся главный просчет: оказалось, что индекс акций «Норильского

Никеля» складывался не только из цен на никель, но еще на медь и палладий, а эти металлы в последние недели сильно подорожали. Рост палладия достиг более ста процентов! И почему Борису раньше не пришло в голову почерпнуть информацию об эмитенте? Это было его первой непростительной ошибкой. Теперь выходило, что акции вряд ли упадут в ближайшее время, а значит, понесенные убытки уже не возместить. Но и закрыть позицию рука не поднималась: ведь известно, что после сильного роста должен быть откат, график должен немного отступить от своего пика. Борис решил, что как только это произойдет, он сразу закроет свой убыточный «шорт». Ждал, надеясь вернуть хоть немного потерянных денег. Но отката не было. Мало того, график цен продолжал неумолимо ползти вверх, ну, а счет таял дальше.

Все было бы не так плохо, если бы деньги на счету принадлежали Борису – тогда бы обнуление его счета не грозило. Но он, уверенный в том, что правильно угадал тенденцию, взял самое большое «плечо», какое только допускалось брокерской компанией: хотел побольше заработать. То есть, грубо говоря, влез в долг. Это было второй непростительной ошибкой.

А третья заключалась в том, что Борис не послушал совета, который дал ему сотрудник брокерской компании перед открытием счета: «Прежде поторгуйте пару месяцев на демо-версии, не заключайте сразу реальных сделок. Это поможет вам разобраться в особенностях торговли. И с короткими позициями не спешите».

Как же было не спешить, когда Борис видел обрушение цен на никель? Не мог же он упустить прибыль, зная, что и акции тоже скоро упадут! Ну и какой смысл было совершать сделку на игрушечные деньги? Ведь тогда и прибыль была бы игрушечной, а ему позарез хотелось получить настоящую! Чтобы выкупить взятый в кредит новенький внедорожник, на котором он уже успел пару раз прокатиться с Лерой по ночным улицам. Что ж, счастье было так близко!

На правом берегу за набережной высилась каменная громада центра города, слева близко к воде подступили ивовые кусты, оставив желающим позагорать лишь узкую полоску песчаного пляжа. Люди таращились на яхту, разглядывали танцующих девушек: не каждый день увидишь такое зрелище. Борис замечал, что большинство взглядов надолго останавливалось на Лере, и ей это определенно нравилось. Она всегда стремилась привлечь к себе внимание и получала наслаждение, купаясь в нем. Не смотреть на нее было невозможно: взгляды устремлялись к броской красавице, да так и застревали беспомощно, как мухи в паутине. И захочешь вырваться, но не тут-то было! Красота ее была такой же липкой.

Щебет прекрасной Ассоль не достигал сознания Бориса, но он делал вид, что слушает, рассеянно кивая и усилием воли сохраняя улыбку на плотно сжатых губах. Наверное, она заметила его отстраненность, потому что вдруг закричала в самое ухо:

– Салют! Смотри, салют! – И, взяв его за подбородок длинными холодными пальцами, потянула, поворачивая влево.

Салют, как же Борис мог забыть об этом! Ведь сам заказал его, назначив время и выбрав место, мимо которого яхта будет проплывать в этот час. С песчаной прибрежной полосы в воздух взлетали разноцветные звезды, взрываясь в вышине и рассыпаясь каскадом искр на фоне потемневшего вечернего неба. Надо же, Борису казалось, что прошло гораздо меньше времени! Лера вывернулась из его рук и помчалась к левому борту, где собралась вся компания. Девчонки визжали и хлопали в ладоши, парни выражали восторг пронзительным свистом. Оставшись один, Борис поспешно выхватил из кармана смартфон, привычным движением пальцев оживил его и уставился на экран. Сердце рухнуло при виде цифр, обозначающих размер его счета. Слишком, слишком мало! Еще немного в таком же темпе – час-другой – и счет обнулится. Холодный пот выступил по всему телу, и Борис тотчас замерз под порывами влажного речного ветра. Смотреть на цифры больше не имело смысла. Борис убрал телефон в карман и посмотрел вверх. Салюта он не видел. Перед его глазами стояла картина выстреливающих в небо зеленых свечей растущего графика акций «Норильского Никеля».

Из ступора Бориса вывел резкий окрик. Друг детства Сашка Разгуляев едва не сбил его с ног мощным тычком в плечо:

– Ну и рожа у тебя! Будто ядерный взрыв увидел, а не салют! Чего такой невеселый? Мало выпил, наверное? Держи! За именинницу!

В руках у Бориса оказался прохладный бокал.

– За именинницу! – нарочито восторженно повторил Борис, возвращая на место сбегавшую улыбку, и залпом проглотил пузырящуюся жидкость. Внезапно его охватило желание излить душу – такое сильное, что молчать не было никакой возможности. Если б Сашка отошел, то Борис, возможно, сумел бы удержать язык за зубами. Но тот как назло облапил его одной рукой, расхохотался, когда их резко понесло в сторону, как перебравших рома матросов, и потребовал, дыша алкогольными парами прямо в лицо:

– Ну-ка выкладывай, че стряслось. С Леркой нелады?

– Нет, она тут ни при чем. Попал я, Саня. Как никогда. Не представляю, как выбираться из этого тухляка.

– Серьезно? Совсем тухляк?

– Тухлее не бывает. – С этими словами Борис выудил телефон и выставил перед глазами друга светящийся экран с информацией о составе своего инвестиционного портфеля. Сашка вгляделся, щурясь, потом присвистнул и удивленно покосился на Бориса.

– Я вижу на твоём счете четыре ляма... По-твоему, это трагедия, что ли? Ты когда успел так разбогатеть? Ни фига себе у тебя тухляк! Мне б такой! Не поделишься, откуда бабосы, а?

– Да погоди, ты не туда посмотрел! – Борис снова поднес телефон к лицу Сашки, едва не ткнув ему в нос. – Четыре ляма – это входящие активы. А текущие? Смотри внимательно. И еще графа «Прибыль/убыток». Видишь, сколько в минусе?

– Э-э-эх... – протянул тот, вникнув в подробности. – Ниче ты даешь! Круто слился. От четырех лямов осталось меньше пятиста тысяч. Это как так тебя угораздило?

– Сам не знаю.

– А нафига полез туда?! Не мог другое применение деньгам найти, что ли?

Кто-то налетел на Бориса со спины. Он обернулся. Не знакомая ему девушка, нависавшая над его плечом с любопытным видом, отшатнулась назад, мгновенно принимая безразличное выражение.

– Отойдем. – Борис взял друга за локоть и потянул в сторону, подальше от разгулявшихся гостей, опасаясь, что их разговор могут подслушать и передать Лере. Нельзя, чтобы она узнала. По крайней мере, не сегодня, не сейчас. Нужно было вначале пережить потерю денег, прежде чем он сможет собраться с духом и объявить ей о своем банкротстве. После чего Лера, конечно, сразу его бросит.

Яхта была небольшой, и найти укромный уголок оказалось нереальной задачей. Они просто встали ко всем спиной, прислонившись к борту, там, где движухи было меньше всего. Вода казалась черным зеркалом, отражая луну и россыпь звезд, противоположный берег тонул во тьме. Шум торжества остался позади и должен был заглушить разговор. Проверив еще раз свой куцый счет и убедившись, что на сегодня торги закончились, а значит, казнь откладывалась на завтра, Борис прерывисто вздохнул и продолжил свою исповедь:

– Деньги мне достались от Лады Николаевны. Ты же помнишь, я говорил тебе, что мой отец на ней женился. – Борис не мог назвать новую жену отца ни мачехой, ни мамой, потому что привык за несколько лет обращаться к ней по имени-отчеству: она преподавала историю в школе, где он учился. А его отец работал там директором.

– Помню. Но с трудом представляю себе, где Лада Николаевна могла раздобыть четыре миллиона, – ответил Сашка.

– Она продала свою трехкомнатную квартиру. Ну, а так как сама переехала жить к нам, то, посоветовавшись с отцом, отдала мне эти деньги, чтобы я мог купить себе квартиру

поменьше, а остаток положил в банк для оплаты обучения в вузе. – Рассказывая об этом, Борис почувствовал, как к горлу подкатил твердый колючий комок. Еще не хватало пустить слезу, чтоб уж окончательно расписаться в своем ничтожестве! Но от воспоминаний щипало душу: тогда поступок Лады Николаевны его растрогал. Она будто понимала, что из-за нее Борис чувствует себя лишним в собственном доме. – В общем, как ты понимаешь, квартиру я не купил и учебу не оплатил. Решил подзаработать на автомобиль. По моим подсчетам, к концу месяца я должен был поднять процентов пятьдесят с этой суммы, и это как минимум. Я был уверен, понимаешь? Поэтому не стал ждать конца месяца и купил авто в кредит. А расчеты мои оказались неверными. И теперь я беднее, чем нищий! Я в минусе! Глубоко в минусе!

– Н-да... Где-то очень глубоко... – подхватил Сашка, по всей видимости, с трудом осмысливая краткую, но емкую информацию. – Я не понял: ты че, совсем дурак, что ли? – Он резко вскинул голову, и та покачнулась из стороны в сторону, выдавая приличную степень опьянения. – Какого черта?! Уоррен Баффет нашелся! Люди годами учатся, чтобы акциями торговать, а он, поглядите-ка, все просчитал! Какая была необходимость идти на такой риск, а? – Не дожидаясь ответа, тут же выпалил: – Значит, срочно надо было Лерке пыль в глаза пустить, так?

– Так... – ответил Борис. Получилось как-то злобно, и он пояснил: – Один чел начал увиваться вокруг нее – модный такой, и видно, что при деньгах. Я боялся, что Лерка переменится. Не мог этого допустить. Знаешь же, какие они, эти бабы... Инстинкт у них такой природный: богатых выбирают, чтоб потомство было на что кормить.

– И где ты такой чуши понабрался? – Сашка презрительно хмыкнул. – Потомство кормят самки. Животные, то есть. Нашел, с чем сравнивать!

– Не прав ты, – возразил Борис.

– Не пойму, что ты в Лерке нашел? – Саня задумчиво потер переносицу – жест, знакомый Борису со школы. – Она вся искусственная, разве не видишь? Волосы, ресницы, губы – лишить ее этих присадок, и ничего от красоты не останется. Ты же как-то, помню, с Малютиной дружил?

– Мы и сейчас дружим. Ну, примерно как с тобой. Никогда не представлял ее своей девушкой. Не мой типаж. Она же, как парень: джинсы, стрижка короткая.

– Твоя Лерка ей в подметки не годится. С Малютиной хоть поговорить можно. И, знаешь... – Он запнулся, что-то обдумывая про себя, и, решившись, договорил: – Машка по тебе еще со школы с ума сходит. Я сейчас тебе ее секрет выдал, не вздумай проболтаться! Она меня не простит.

– Зачем тогда выдал? Если не врешь, конечно. – Борис еще не понял, приятная это новость или, наоборот, досадная. Его нервная система порядком поистрепалась в перипетиях биржевой торговли, и все прочие новости, не касающиеся рынка акций, больше не вызывали в нем ярких эмоций.

– Сама бы она тебе никогда не сказала. И ты ничего бы так и не узнал.

– А что это меняет? – фыркнул Борис. – Может, и зря ты это сказал! Мне сейчас и без того проблем хватает, чтобы еще переживать о том, что Малютина страдает от неразделенной любви!

– Ну, вообще... – Сашка закатил глаза, демонстрируя крайнюю степень негодования. – А ты тот еще типчик, оказывается! Первый раз в жизни мне хочется дать тебе в морду.

– Какие проблемы? Валяй! – Борис дерзко глянул на друга. Сашкино лицо слегка двоялось в лунном свете. Тот недобро прищурился и после паузы холодно процедил:

– Вызов не принят. В другой раз. Пойду я, а то, и правда, подеремся. Не стоит портить такой красивый праздник. Еще расстроим именинницу.

Последние слова он произнес уже на ходу, удаляясь. Борис остался у борта в гордом одиночестве. В голове шумело от шампанского, а в душе бушевал ураган чувств: отчаяние, злость, жалость к себе, несчастному.

– А, вот ты где! Я тут такое узнала! Говорят, ты кучу денег проиграл в каком-то электронном казино! – Внезапно прозвучавший звонкий голос Леры отвлек Бориса от горьких дум. Он не успел ответить, потому что она тут же продолжила: – Если хочешь, могу попросить одного моего знакомого, он тебе в долг даст под небольшой процент. Хочешь, позвоню ему прямо сейчас? Уверена, мне он не откажет. Оформите распиской, и отдашь частями постепенно.

Борису показалось, что он задыхается: весь воздух внезапно исчез из легких, а сделать новый вдох почему-то не получалось. Не говоря уже о том, чтобы ответить что-нибудь. Но он все-таки выдавил, и даже голос не дрогнул:

– Спасибо, Лера, я подумаю. Можно, я подумаю прямо сейчас? А ты пока не будешь мне мешать, ладно? Я должен побыть один. Подожди меня там, рядом со всеми, я скоро приду.

Лера приторно улыбнулась и погладила его по щеке, промурлыкав:

– Конечно, милый Грэй. Я на то и Ассоль, чтобы ждать.

Она повернулась, лихо отбросив за спину копну длинных темных волос, которая при этом хлестко прошлась по его лицу. Или Лера хотела таким необычным способом влить ему пощечину, или была уже сильно пьяна. А может, все вместе. Она удалялась нетвердой поступью раненой лани, и Борис понимал, что теряет ее навсегда. На него вдруг навалилась жуткая тоска. Весь этот шумный праздник с довольными пьяными личностями обоего пола, снующими повсюду, выглядел издевкой над его трагической судьбой. Захотелось убраться куда-нибудь подальше, в тихое и темное место, где никто бы не мог помешать ему предаваться отчаянию.

Движение яхты резко замедлилось, что означало скорый разворот и взятие курса на обратный путь. От торможения Бориса качнуло, в глазах все поплыло. Наверное, в нем было не меньше двух бутылок шампанского, поэтому, когда между яхтой и берегом выдвинулась огромная, как айсберг, черная тень, он вначале решил, что ему мерещится спяну. Но тень ползла дальше, скрывая собой берег и часть звездного неба. Наконец, по контурам движущегося объекта стало ясно, что это корабль, а точнее – груженная баржа. Ничего необычного, если бы не полное отсутствие необходимого освещения: ни габаритных огней, ни луча прожектора, ни даже отблеска маленькой лампочки – абсолютно ничего! На реке, где развито судоходство, такое было просто недопустимо!

Таинственная баржа уже продвинулась дальше дрейфующей яхты. На ней возвышалась гора какого-то груза, похоже – бревен. Странно, но никакого намека на охрану на ней не наблюдалось. Не было ни буксира, обычно толкающего баржи перед собой, ни кабины, какие бывают на самоходных конструкциях. Может быть, работники порта ее случайно упустили, и теперь она плывет сама по себе?

Величавый сухогруз начал удаляться. Не отдавая себе отчета, Борис перемахнул через борт яхты и прыгнул в воду. На мгновение холод отрезвил его, и он, испугавшись своей безрассудной выходки, хотел было вернуться обратно, но выпитое шампанское и обида на весь мир толкали на подвиги. Даже интересно, всплакнет ли по нему кто-нибудь из друзей, когда хватятся его и решат, что он утонул, вывалившись за борт по дороге? Вполне возможно, Лера пустит театральную слезу. Сашка точно огорчится, но, учитывая их последнюю беседу, вряд ли станет по нему долго горевать. Малютин... Вот тут бы и выяснилось, правда ли то, что сообщил ему Сашка.

Баржа плыла так медленно, что догнать ее не составило большого труда. Вскоре Борис перевалился через помятый и исцарапанный металлический борт и уселся на одном из бревен: грузом действительно оказались необработанные сосновые стволы. Адреналин сделал свое дело: уныние исчезло, как по волшебству, и вместо того, чтобы оплакивать свои несчастья, теперь хотелось рваться в бой и сворачивать горы. Ну, или просто... уплыть на край света на сбежавшей из порта барже наедине с холодной майской ночью. Романтика!

Со стороны яхта казалась маленькой новогодней елочкой: мачта в огнях, а вокруг – толпа радостно галдящих людей. Прямо хоровод! Борис порадовался, что ему так удачно удалось оттуда вырваться. Парусное судно уже развернулось и удалялось в противоположную сторону. Яркое освещенная корма хорошо просматривалась, и Борис сразу узнал сидящую на бортике Машу. Девушка вглядывалась в темноту перед собой, и хотя лицо ее на таком расстоянии нельзя было разглядеть, Борис интуитивно догадался, что она чем-то встревожена, поэтому и ушла подальше от всеобщего веселья. Вдруг она пыталась найти его на яхте и не смогла? Борису стало совестно. Ему вовсе не хотелось, чтобы Маша переживала. Все-таки дружили они еще со школы.

Он решил подать ей знак, но если крикнуть, вряд ли она услышит: на палубе по-прежнему гремела музыка. Что, если взобраться на вершину бревенчатой горы? Возможно, тогда Маша различит его силуэт на фоне звездного неба... Борис вскочил и начал карабкаться вверх. Стволы были шершавые и липкие от смолы. На некоторых выпирали не полностью спиленные сучки. Он быстро ободрал ладони и сгубил костюм Грэя: ткань шелковых шаровар и белоснежной рубахи то и дело противно трещала. Не обращая внимания на досадные мелочи, Борис упрямо полз выше. Осознание опасности пришло слишком поздно: очередное бревно, за которое он схватился, внезапно выскочило из ничем не закрепленной кладки и обрушилось на него всей массой. Перед глазами взорвался настоящий фейерверк из горящих огней: ничем не хуже именинного салюта, который он почти не видел. Зато теперь можно было вдоволь наслаждаться яркими вспышками, причем так близко, что ближе некуда: заряды выстреливали прямо внутри его головы, да еще с таким невыносимо пронзительным звоном, что казалось, барабанные перепонки вот-вот вылетят из ушей под натиском нарастающей звуковой волны.

Через некоторое время перед глазами возникло звездное небо, и Борис понял, что лежит на спине. Пахло рекой. Тишину нарушали редкие и тихие хлюпающие звуки, означающие, что он все еще на плывущей барже. Голова гудела и раскалывалась от боли, но пришлось стиснуть зубы и все-таки приподняться, чтобы осмотреться. Берега с обеих сторон были непроглядно черны, ни единого проблеска, не говоря уже о городских огнях. «Не о чем переживать, скоро появится какой-нибудь населенный пункт, их всегда много вдоль реки», – подумал Борис, пытаясь унять тревогу. Как он будет выбираться на берег с разбитой головой? Вплавь нельзя, это просто самоубийство. Потеряет сознание и пойдет ко дну на корм рыбам. Надо высматривать на берегу людей и звать на помощь. Только вот ночью они вряд ли ходят здесь толпами. Остается ждать утра.

Утро все не спешило. Нерадостные воспоминания одно за другим всплывали из глубин памяти подобно пузырькам газа в бокале шампанского. Ну, надо же было напиться до такого состояния, чтобы сигануть за борт яхты и перебраться на бесхозную неуправляемую баржу! А перед этим растрепать Сашке о своей неудачной торговле акциями, будто не знал, что вокруг уши и Лере сразу донесут. В последнее время глупые выходки уже стали традицией. Может, он заразился неизвестным вирусом, превращающим людей в тупиц? Взять хотя бы этот «шорт» в «Норникеле»! Почему он не закрыл его раньше, когда уже ясно было, что эта сделка – ошибка? Все отката ждал! Вот результат: сегодня в десять ноль-ноль по Москве откроется биржа, и его счет превратится в ничто! От воспоминания о потерянных деньгах в груди защемило. Борис потрогал свою одежду, она была мокрой насквозь. Понятно, телефон не работает. Не только позвонить никуда нельзя, но и в торговую программу заглянуть не получится. Хоть посмотреть на прощание, как это случится, но нет – из-за тяги к приключениям он лишился этой возможности! Крайняя степень отчаяния вырвалась из него протяжным стоном умирающего зверя.

Через некоторое время мучения прервались, сменившись зыбким сном, в котором Маша Малютина бегала по палубе яхты и диким голосом звала Бориса, а Лера в это время стояла в обнимку с каким-то парнем, и, кажется, они собирались поцеловаться. Несколько гостей пошатывались и перебирали заплетающимися ногами под музыку – наверное, думали, что танцуют,

кое-кто устроился спать прямо на полу, скрючившись у борта. Никто не слышал Машиных криков. Никто о Борисе не вспоминал. Потом Маша дернула Леру за руку и спросила ее: «Где Борис?», а та растерянно моргнула и ответила вопросом: «А кто такой Борис?»

На этом страшном месте сон оборвался. Светлое высокое небо ослепило пронзительной синевой. Облака, удивляющие сходством с зубастыми длиннотелыми рыбами, резво плыли вдаль нескончаемым косяком. Судя по расположению солнца, близился полдень. Голова напомнила о травме тупой пульсирующей болью. Борт баржи слева слегка раздвигался – значит, как минимум сотрясение мозга Борис получил. Он поднялся и сел, с надеждой обозревая берега. Надежда сменилась досадой: местность вокруг была совершенно пустынной, к тому же теперь вместо ивовых зарослей к самой воде подступал высокий камыш – признак заболоченной почвы. Увидеть там загорающих туристов не было ни единого шанса. Густой молочно-белый туман скрывал горизонт, не позволяя определить, есть ли где-то признаки человеческого присутствия: дома, дороги, вспаханные поля с сельскохозяйственной техникой, тепличные комплексы – да хоть что-нибудь рукотворное. Отсутствие видимости вселяло беспричинную тревогу, похожую на детские страхи, когда ему, проснувшись посреди ночи, казалось, что под кроватью притаилось нечто злобное и потустороннее. Теперь ему почудилось, что это злобное и потустороннее подглядывает за ним из камышовых зарослей, перемещаясь следом и выдавая себя шорохами и треском сухих ломких стеблей. Как и тогда, в детстве, Борису стало стыдно за свою трусость. Все-таки ему никогда не стать таким смелым, как отец. И даже как Лада Николаевна. Однажды они вдвоем вытащили Бориса с компанией из жуткой передраги, когда те, еще будучи тринадцатилетними подростками, отправились искать клад в заброшенную деревушку, затерянную в таежной глуши. В этот раз ни отец, ни Лада Николаевна, да вообще никто не придет ему на помощь. Все будут считать, что он утонул.

Баржа лениво плыла вперед гигантской сонной уткой. Течение реки будто замедлилось и грозило совсем остановиться. С такой скоростью это безрадостное приключение может длиться вечно, а жажда и голод уже давали о себе знать. Борис оценил расстояние до берегов – здесь русло было заметно шире, но если попытаться сбросить в воду бревно, то доплыть до берега будет нетрудно. Только дальше-то что? Плутать в тумане, рискуя заблудиться или провалиться в болото? Лучше уж еще подождать: когда покажутся дома, тогда и плыть. Или корабль будет мимо проходить – тогда орать изо всех сил, чтобы заметили.

Но время шло, а видимость только ухудшалась. Туман стал плотнее и гуще, теперь он стелился у самой воды, скрыв под собой нескончаемые камышовые стены. Повсюду была видна только вода, окруженная белыми клубами, словно река пролегла прямо по облакам. «Не может же это плавание тянуться вечно! – негодовал Борис. – Где корабли, где рыбаки?! Вымерли все, что ли?!» И вздрогнул от этой мысли, вдруг осознав, что нет не только людей – птиц тоже не видно. А ведь в городе над рекой всегда полно чаек и уток! Куда они-то подевались? Интересно, а хотя бы рыба в этой реке водится? Борис перегнулся через борт и взгляделся в воду: она оказалась совсем не прозрачной, мутно-коричневой, и от нее шел дурной запах. То есть этот запах Борис чувствовал и раньше, но думал, что он исходит от заболоченных берегов. Оказывается, воняла вода. Да и течение почти замерло – казалось, баржа стоит на месте. Борис потянулся и опустил в воду ладонь – так и есть, вода спокойна, как в озере. И что теперь делать? Если была бы лодка, можно было бы грести, а многотонную баржу ему с места не сдвинуть.

Бориса охватило глубокое отчаяние. Наверное, что-то похожее испытывает дикий зверь, угодивший в ловушку. Стало душно, будто окружающий туман перекрыл доступ свежего воздуха. Остаться на барже стало невыносимо: чего можно дожидаться, сидя на одном месте? Разве что смерти? Плыть неведомо куда – страшно, особенно с его ушибленной головой, но это было лучше, чем бездействие. Борис вновь начал карабкаться на гору бревен, в этот раз уже более осторожно: прежде чем ухватиться, проверял, насколько устойчиво лежит бревно. Бревна были толстые и длинные, о том, чтобы поднять одно такое и перебросить через борт

баржи, нечего было и думать, поэтому Борис решил залезть на самый верх и сталкивать бревна оттуда до тех пор, пока какое-нибудь из них не слетит в воду. Странно, что груз на барже был никак не закреплен. Наверное, ее еще не успели подготовить к отплытию. Зато бревна довольно легко можно было сбросить вниз, и они катились одно за другим, падая на дно и застревая у борта. Наконец, одно таки перелетело через край и с громким всплеском упало в воду. Можно было отправляться в дальнейший путь.

Борис спустился обратно и с тоской окинул взглядом свое убежище, ставшее тюрьмой: правильно ли он поступает, покидая баржу? В окружающем тумане сгустились серо-синие тени: дело явно шло к вечеру, а значит, скоро минуют сутки без еды и воды. Пить воду из реки не хотелось, но придется, если станет совсем неведомо. И тогда появится риск умереть от какой-нибудь заразы, которой в этой воде наверняка видимо-невидимо, – слишком уж она вонючая и грязная, чтобы быть пригодной для питья. Нет, надо плыть дальше!

Бревно покачивалось, ударяясь в металлический борт сухогруза. Борис легко перебрался на него и лег на живот, опустив в воду ноги и руки. Попробовал грести. Продвинулся немного, но с каким трудом! Так он выбьется из сил буквально через полчаса! Тяжелое бревно не спешило повиноваться ему, поворачивало то вправо, то влево, а потом и вовсе перевернулось, опрокинув Бориса, будто наказав за дерзость. Он вынырнул, отплевываясь: вода оказалась противно теплой и густой, перемешанной с глиной и тиной. Бревно как назло ускользало на глазах, устремившись вдаль, как по волшебству: вот-вот скроется в тумане! Борис рванул следом, рассекая воду широкими взмахами рук, но бревно продолжало удаляться. Возможно, какое-то подводное течение уносило его несостоявшееся плавсредство, или... здесь творилось что-то мистическое.

В подтверждение этой догадки Борис рассмотрел в тумане некую преграду, границы которой не удавалось охватить взглядом, – перед ним внезапно выросло нечто вроде горы, возвышавшейся прямо посреди реки и разделявшей ее на два потока. Нужно было выбрать, куда плыть. Ускользнувшее бревно повернуло вправо, и Борис двинулся в ту же сторону, все еще надеясь его догнать. Но тут впервые за последние сутки судьба решила подыграть ему: оглябая горный склон, он заметил покачивающуюся на воде ветхую лодочку, заключенную между двумя горными выступами. Она металась в миниатюрной бухте, как в ловушке: она то билась носом о глиняный выступ, из которого торчали клубки спутанных древесных корней, когда течение бросало её вперёд, то отскакивала назад, ударяясь кормой о противоположную преграду. Обрадовавшись удачной находке, Борис поспешил забраться внутрь. Старые доски сердито скрипнули под его весом. На дне оказалось сухо: на удивление, вода нигде не сочилась, разве что текла с его одежды, быстро образуя лужу. И главное – в лодке оказались весла! Вторая большая удача подряд! Борис с силой оттолкнулся веслом от горы, направляя нос лодки вправо и выводя ее из заточения. Подхваченное водным потоком крошечное судно охотно устремилось вперед, в непроглядную синюю муть. Борис, как ни старался, так и не смог оценить размеры горы, оставшейся слева от него: густой синеватый туман висел низко над водой, скрывая все очертания. Это могла быть и не гора, а очень высокий берег реки, уклоняющийся назад и потому похожий на горный склон. Тем более, гор на Западно-Сибирской равнине быть не может, – это Борис еще со школы помнил. «Но даже если так, то здесь на берег все равно не взобраться, – подумал он, налегая на весла. – Посмотрим, что дальше. Может, судьба подбросит еще какой-нибудь приятный сюрприз».

Нестерпимое желание зачерпнуть речной воды и напиться было безжалостно подавлено усилием воли: вонь из нее шла, как из немытого сортира, и с каждым гребком нарастала. Вскоре нашлось и объяснение этому – все чаще стал попадаться плывущий по воде мусор. Река на глазах превращалась в сточную канаву. Чего в ней только не было! Какие-то бесформенные обломки, среди которых Борис узнал треснутое пластиковое ведро с горкой овощных очисток внутри – похоже, помойное, пролет забора из штакетника, напоминающий потрепанный штор-

мом плот, резиновый сланец, разделочную доску, и между всем этим – целые россыпи луковой шелухи, кружащейся на поверхности подобно осенним листьям. Все это разрушало мрачную магию окружающего пространства, красноречиво напоминая Борису о том, что вокруг него все тот же бранный мир. Наверное, неподалеку находилась большая свалка мусора, и река подмыла ее. Тем более что сейчас время половодья, и такое случается сплошь и рядом, если поблизости есть человеческое жилье. Подумав о жилье, Борис воспрянул духом и еще усерднее заработал веслами: совсем скоро он выберется из этой нелепой передрыги. Даже в небольшом поселении должен быть какой-нибудь транспорт или лошадь, на худой конец, а значит, можно будет быстро добраться до автомобильной трассы! Как бывает у спортсменов-бегунов перед близостью финиша, Борис вдруг ясно ощутил, насколько он выдохся.

Втянув весла в лодку, он откинулся спиной к корме, чтобы немного передохнуть. Лодка еще плыла по инерции, разгоняя носом скопившийся вокруг мусор. Борис горько усмехнулся, подумав, что окружающая картина отражает последние события его жизни: он сам загнал себя в сточную канаву и совершенно не знает, как все это разгрести, когда вернется домой. Как будет объяснять отцу и Ладе Николаевне, куда дел кучу денег, выданную ему для покупки квартиры и оплаты учебы? Чем будет оплачивать съемное жилье и кредит за дорогой автомобиль? Ведь по той же цене он его уже не продаст. Новая машина, едва выехав из салона, тут же теряет около трети своей стоимости. К тому же времени ждать, когда появится покупатель, готовый выложить хорошую цену, у него нет: на кредит капают проценты! Наверняка придется бросить вуз и идти работать каким-нибудь подмастерьем в автосервис или что-то вроде того. Хоть не возвращайся, чтобы не проходить через всю эту пытку!

Мелькнула шальная мысль осесть в какой-нибудь деревеньке, заняв пустующий дом, каких сейчас немало в такой-то глуши, но это, конечно, было не всерьез – так, временное малодушие. На самом деле Борису нестерпимо хотелось вернуться домой, несмотря на проблемы, нависшие над ним подобно ножу гильотины. Уже совсем стемнело, потянуло холодом. Вот и снова ночь, уже вторая на этой проклятой реке. Теперь, даже если он догребет до берега, что вряд ли возможно при такой видимости, все равно придется отсиживаться где-то до утра. Лучше уж переночевать в лодке, чем на сырой земле в колючих камышах. Борис улегся на дно, поворочался, устраиваясь так, чтобы в тело не впивались острые углы, подтянул колени к подбородку и закрыл глаза. Несмотря на требовательное урчание пустого желудка, он мгновенно очутился во власти не то сна, не то галлюцинации, созданной его измученным мозгом.

Борис увидел себя со стороны, скорчившегося в лодке в обнимку с веслом, увидел реку, подернутую молочным туманом, а посреди широкого русла – гору, разделявшую ее на два потока: более крупный огибал преграду справа, вздымаясь на повороте бурунами, а совсем узкий тихо струился слева, впадая в обширную зловонную лужу стоячей воды. Посреди нее, лежа на дне мерно покачивающейся лодки, Борис теперь смотрел этот сон. Это было очень необычное чувство – смотреть на самого себя с высоты птичьего полета. Нечасто ему доводилось летать во сне, а видеть при этом себя со стороны – вообще никогда. Борис – тот, что парил над рекой, – почувствовал, как поднимается еще выше. Теперь, наконец, он мог разглядеть вершину горы, выступающую из тумана и освещенную луной. На ней виднелась какая-то конструкция, которую захотелось рассмотреть поближе. Как только Борис подумал об этом, картинка вдруг увеличилась, будто он поднес к глазам бинокль. Стали видны мельчайшие детали: плотно пригнанные друг к другу гладко отесанные бревна складывались в некое подобие вышки с треугольной крышей, под которой висел колокол. Под колоколом стоял человек, но Борис, как ни старался, так и не смог разглядеть лица, скрытого низким капюшоном, под которым развеивалась на ветру длинная белая борода. Борис был уверен, что незнакомец внимательно смотрит на него и будто оценивает: кто это тут пожаловал и чего можно ожидать от незваного гостя? Борису сразу захотелось спрятаться от пронизательного взгляда или убраться подальше, что он и сделал, устремившись в ту сторону, откуда приплыл. Лететь получалось на удивление легко,

для этого не требовалось ничего, кроме его желания. Вскоре Борис увидел свою баржу, притулившуюся у зарослей камыша. Гигантское черное корыто совсем не двигалось: похоже, старая посуда села на мель. Но теперь этот факт его больше не огорчал, ведь он мог лететь быстрее ветра и куда угодно. Борис помчался по направлению к городу, надеясь, что хоть во сне ему удастся посмотреть на родителей и друзей. А, может быть, повезет увидеть и график на экране домашнего компьютера, который он оставил включенным, отправившись на яхту с Лерой.

Но до города Борис так и не долетел. Свет огней внизу привлек его внимание: по реке навстречу ему, стрекоча мотором, неторопливо двигалось маленькое судно. Чтобы разглядеть катер, ему даже снижаться не пришлось – вновь получилось приблизить картинку, как и с колокольней на горе, одним желанием.

В катере сидела Маша и водила мощным фонарем из стороны в сторону, будто искала кого-то. Его, Бориса, конечно! Кого же еще она могла искать ночью на реке?! От этой мысли внутри у него будто разлилось что-то горячее, но не обжигающее, а согревающее, приятное. Захотелось сесть рядом с ней и поболтать о всякой ерунде, как часто бывало раньше. Раньше – значит, до Леры. Однажды Лера услышала их с Машей разговор и заметила язвительно: «Вы, как детсадовские малыши, которые хвастаются друг перед другом своими игрушками, потому что говорить почти не умеют». В это время Борис показывал Маше свои новые наушники, а она демонстрировала ему ноги, обутые в кеды красного цвета, сообщая, что именно красные сейчас в тренде, а простые синие – совсем не то. Лера была права: Борис с Машей могли подолгу сидеть рядом и вообще почти не разговаривать. Кто-нибудь один иногда ронял фразу, другой отвечал что-то, чаще всего просто «ага», и не было ощущения, что разговор не клеится. Они могли сидеть рядом и пялиться в свои телефоны, могли слушать музыку – каждый свою, и при этом Борис был уверен, что он знает, о чем думает Маша, и наоборот, Маше тоже известны его мысли. Но это было раньше – до Леры. А потом, Борис и сам не понял, кто из них с Машей первый отстранился. Они по-прежнему общались, но таких долгих посиделок, как, например, на парапете набережной спиной к спине или на мягком диванчике «фудкорта» плечом к плечу, больше не случалось. Раньше Борис запросто мог доесть в кафе Машин бургер, который та не могла осилить. А вот прикоснуться к тарелке Леры в ресторане ему и в голову бы не пришло: дурной тон! Рядом с такой утонченной девушкой постоянно приходилось думать о приличиях, а если он все-таки о них забывал, Лера нетерпеливо его одергивала: «Ты что? Так не принято!» И Борис слушался ее беспрекословно, стараясь запомнить свою очередную оплошность, чтобы больше не повторить.

Луч фонаря в руках Маши вдруг скользнул вверх и будто коснулся Бориса. Ему даже показалось, что она сейчас воскликнет: «Вот ты где!» Потом радостно засмеется и начнет махать руками, чтобы он спустился. Борис попытался приблизиться к ней, но вместо этого катер вновь увеличился, будто в объективе камеры подкрутили зум, при этом расстояние между ним и Борисом не сократилось. Машу стало лучше видно, но сама она была по-прежнему далеко. Взгляд ее пронизывал Бориса насквозь, не задерживаясь: она его не замечала.

Внезапно над рекой пронесся вой – протяжный, тоскливый, страдальческий. В следующий миг все исчезло – и катер с Машей, и река, а Борис ощутил себя лежащим на дне лодки. Бок и плечо одеревенели из-за неудобной позы, от холода все тело сотрясала мелкая дрожь. Открыв глаза, Борис увидел, что лодка зарылась носом в гущу поникших камышовых стеблей, сухих и желтых после зимы. И там, в этой гуще, кто-то был. В темноте угадывались очертания маленькой головы и округлого тела. Существо шевельнулось, зашуршало и хрустнуло ломкие стебли камыша. «Птица? – подумал Борис, чувствуя, как язык мгновенно присох к небу. – На цаплю похоже, кажется». А воображение, как в далеком детстве, тотчас нарисовало перед ним образ притаившегося чудовища, злобного и сильного, с острыми зубами, белеющими под вздёрнутой в оскале верхней губой. Борису хотелось схватиться за весла и отгрести подальше от этого места, но он продолжал сидеть в оцепенении, вглядываясь в камыши до боли в глазах.

И тут вой повторился. Жуткий звук, казалось, ворвался прямо в душу и вывернул ее наизнанку: в нем было столько горя и скорби, сколько ни одна душа не в силах вынести. Борис зажал уши руками и завопил – не столько от ужаса, а чтобы заглушить это нечеловеческое стенание. И вдруг смолк, потрясенный внезапно прозвучавшей мольбой, произнесенной девичьим голосом:

– Помоги мне! – Следом послышалось рыдание.

Осознав, что в зарослях скрывается не чудовище, а обычная девушка, Борис испытал приступ стыда: вот же опозорился! И тут же, подгоняемый любопытством, он выбрался из лодки и, разгребая перед собой ломкие стебли, поспешил к незнакомке, крича:

– Сейчас! Сейчас!

Вскоре он увидел ее. Девушка стояла к нему спиной и тихо плакала. Обернулась она, когда между ними оставалась пара метров, и Борис едва не отпрянул, пораженный ее отталкивающей внешностью. На плоском маленьком лице выделялся сильно заостренный длинный нос, дополняющий ее сходство с цаплей. Девушка глянула на Бориса круглыми, красными от слез глазами и, протянув к нему тонкую, как пруттик, руку, повторила умоляюще:

– Помоги мне!

Борис растерянно смотрел на незнакомку: на первый взгляд, ей ничего не угрожало.

– Что с вами случилось? – спросил он, чувствуя, как она вцепилась в него и тянет куда-то.

– Там... Помоги, вытащи ее. Вот где она утонула.

Борис вовремя разглядел блеск воды в камышах: едва удержался, чтобы не наступить в лужу.

– Утонула? – недоверчиво переспросил он, глядя, как девушка садится у края на корточки и опускает руку в воду.

– Здесь она! Вытащи ее. У меня не выходит, уж сколько бьюсь! Сил не хватает. Вот здесь волосы ее, достать можно.

Борис сглотнул, стараясь унять зарождающуюся нервную дрожь. «Утонула? В луже?» – Происходящее выглядело пугающе странно, но не отказывать же в помощи! Он встал на колени и, склонившись над лужей, погрузил в воду обе руки там, где показывала девушка. Пошарив немного, он действительно наткнулся на нечто похожее на копну волос. Ухватившись за них, он потянул вверх. Утопленница оказалась такой тяжелой, будто весила пару центнеров, и от натуги у Бориса зазвенело в ушах. Когда же удалось вытянуть грузное тело на поверхность, он едва не выпустил его, испугавшись жуткого вида утопленницы. Ему показалось, что перед ним вовсе не человек, а гигантская серая щука, плотно обмотанная крепкими водорослями, которые он принял за женские волосы.

– Бабушка! – Крик незнакомки заставил его вздрогнуть и обернуться, а когда он вновь посмотрел на спасенное им существо, ничего общего со щукой уже не увидел: просто женщина, жутко безобразная и очень старая. Тело ее содрогнулось от кашля, изо рта выплеснулся фонтанчик воды, и утопленница воскресла, открыв глаза. Девушка громко засмеялась сквозь слезы, обхватила обеими руками лицо спасенной, порывисто склонилась и принялась осыпать поцелуями. Борис, чтобы не мешать, отошел немного в сторону и сел на траву, чтобы отдышаться. Похоже, пока его помощь больше не требовалась, хотя и удивительно было видеть, что на женщине никак не отразилось длительное пребывание под водой: она уже обнимала девушку в ответ и даже что-то ласково бормотала. Внезапно Борис ощутил на себе ее пристальный взгляд – именно ощутил, а не увидел, потому что лицо женщины было скрыто под прядью растрепавшихся волос. И лишь потом он разглядел под этой прядью ее глаза, недобро сверкнувшие во тьме. Заметив ответный взгляд, женщина отстранила девушку и, приподнявшись на локте, поманила его, взмахнув тощей рукой. Борис еще только подумал, чтобы подойти, а ноги уже несли его к ней навстречу. «Чертовщина!» – мелькнуло у него в голове. Тогда Борис еще не знал, что это было только начало всего.

Глава 3. Колокол

В тот момент, когда на яхте с алыми парусами открыли первую бутылку шампанского, а Борис, стоя на палубе, обнимал Леру и усиленно делал вид, что безмерно счастлив, далеко от этого места – где-то несколько сотен километров вниз по течению – на одинокой горе близ села Кудыкино зазвонил старый медный колокол. Тяжелые удары сотрясали его, извлекая из темных недр глубокие протяжные звуки. Багровые лучи закатного солнца окрасили выпуклые колокольные бока в цвет запекшейся крови. Металл гудел в промежутках между ударами. Ритм постепенно нарастал под ускоряющимся движением сильных умелых рук. Выполняя свой ежевечерний ритуал, Звонарь, щурясь, смотрел на родное село с любовью и жалостью, как смотрит отец на свое неудачное, некрасивое дитя, понимая, что едва ли кто-нибудь еще полюбит такое неказистое создание.

Кудыкино готовилось встретить ночь. Над печными трубами вился дымок: в эту пору после захода солнца резко холодало. По узким, сырым после стаявшего снега улочкам жители спешили к своим домам. Некоторые, заслышав звуки вечернего звона, остановились, обернулись, озабоченное выражение на их лицах сменилось благостным.

Вокруг села чернели останки сгнившего леса, выделяясь трупными пятнами на бледной плоти мертвого камышового моря, сплошь испещренного влажными ранами стариц, отливающих красным под низким пламенеющим небом. Родной край представлялся Звонарю тяжело-большим родственником, которому уже ничем не поможешь, но и не бросишь. Все она, Костяная река проклятушая! Расплескала свои ядовитые воды, отравила землю, и с тех пор ничего, кроме картошки да лука, здесь не растет. Ушла река-злодейка вместе с нечистой силой, что в глубинах ее водилась, да старицы всюду разбрызгала, почву в тесто зыбкое превратила. Небольшое поле под горой каждую весну приходится заново отвоевывать, и с каждым годом все смелее шло по селу перешептывание: с нечистой силой-то сытнее жилось! Страшно было Звонарю такое слышать – того и гляди, кто-нибудь снова к нечисти на поклон пойдет. А это верная гибель! Одарит нечистая сила своими щедротами, но голод не утолит: коварное свойство дары ее имеют: сколько ни возьми, всегда мало будет. Разгорится у просящих жадность непомерная, потеряют они покой, забудут, как радоваться тому, что уже имеют, и вся жизнь их в сплошную муку превратится.

От щемящей боли в сердце Звонарь зажмурился, но руки не дрогнули, продолжая свою работу. Колокол торжественно гремел над ним, всюду разливая малиновый звон, отвращающий беды и напасти, но не мысли: те отчего-то полезли тревожные, разбудили дремлющее чутье, и понял Звонарь, что очень скоро придет пора тяжелых испытаний.

Вдруг гора под ним сотряслась, и грянул гром, поглотив звуки колокола. «Дурной знак!» – подумал Звонарь, открыл глаза и, ослепленный вспышкой молнии, от неожиданности выпустил веревку. Грозовые тучи, клубившиеся вдоль горизонта, надвигались на село Кудыкино с неумолимостью орды захватчиков, готовясь обрушить на ветхие крыши домов сотни тысяч острых, как стрелы, дождевых струй. Люди на улицах забегали подобно испуганным букашкам, спешили укрыться от непогоды. Кудыкино вмиг опустело, и Звонарь, досадуя, что и в этот раз не вышло отзвонить как подобает, начал было спускаться с горы, но внезапно какое-то темное пятнышко, движущееся вдали, за околицей, привлекло его внимание: кто-то из жителей направлялся в противоположную от села сторону, невзирая на то, что первые редкие капли уже пронзали воздух. Неуклюжие движения и угловатые очертания фигуры выдавали в путнике немолодую женщину. Звонарю показалось даже, что он узнал в ней старуху Двузубову, которая еще этим утром исходила предсмертными стонами после нападения Щукина. «Странно, какая нелегкая понесла ее невесть куда в такой час?» Звонарь заторопился, цепляясь взглядом за медленно удаляющийся силуэт, и поэтому ничего вокруг больше не видел.

Но если бы он огляделся, то наверняка бы заметил еще четверых кудыкинцев, явно равнодушных к усиливающемуся дождю: те неспешно брели по одной из улиц, пряча лица под низко опущенными капюшонами курток и прижимаясь к заборам так, будто хотели слиться с серыми досками. Завидев спускающегося с горы Звонаря, они тотчас замерли и не шевелились до тех пор, пока тот не скрылся из виду за горным склоном. Лишь тогда один из них, самый рослый и плечистый, произнес уверенным тоном, выдававшим в нем главаря шайки:

– Все, сегодня уже не вернется! Чуть погода можно приступать.

– Скоро стемнеет, – боязливо произнес мелкий мужичок, приподнимая сползший на нос козырек кепки, торчащий из-под капюшона. – По темноте мы на этой горé шеи посворачиваем!

– Чего каркаешь, Зяблик? Дуй отсюда в свое гнездо! Нам больше достанется! – отбрил его главарь, разглядывая колокол, багровеющий в звоннице на вершине горы. – Может, даже больше двух центнеров потянет! – Он мечтательно расплылся в плотоядной улыбке.

– Сдюжим ли мы, Лапоть? А? Тяжесть-то какая! – Мужичок, названный Зябликом, украдкой оглянулся назад, словно и в самом деле подумывал, не вернуться ли домой, пока не поздно.

– Колокол круглый, сам скатится. А внизу мы его на тележку погрузим! – К обсуждению деталей предстоящего дела подключился еще один человек из компании. Голова его по форме напоминала яйцо из-за оттопырившегося капюшона, натянутого поверх вязаной шапки с помпоном.

– Твой план просто супер, Красавчик! А за эту тележку тебе отдельная премия полага-ется! Из доли Зяблика! – Главарь сдобрил похвалу, показав Красавчику кулак с оттопыренным вверх большим пальцем, а Зяблика шутливо ткнул локтем в бок. – Ты же не против, да?

– Правильно говоришь, Лапоть! – поддержал главаря четвертый из подельников, с явными признаками генетического отклонения: писклявый голос, чрезвычайно низкий рост, короткие ноги и непомерно большая голова были почти как у карлика. Неудивительно, что и кличка к нему приклеилась соответствующая: Гном. Он так привык к ней, что однажды не смог вспомнить свое имя и собирался как-нибудь заглянуть в паспорт, но все время забывал. – Ловко наш Красава тележку со склада спер! Додумался же в спецуху грузчика вырядиться – его там за своего приняли!

– Мощная тележка, полторы тонны выдерживает, если верить маркировке. – Главарь по кличке Лапоть повернулся к Красавчику и спросил: – Так где, говоришь, ты ее припрятал?

– Под горой, справа от села, в овражке. Ветками вербы прикрыл, чтоб не увидели. Там сейчас никто не ходит, сыро еще – гора тень дает, даже снег кое-где остался.

– Не увязла бы в дороге эта тележка – болота ведь кругом! – проворчал себе под нос Зяблик, но Лапоть услышал и цыкнул на него, замахнувшись:

– Дочирикаешься сейчас!

Зяблик испуганно присел, прикрывая руками лицо. Гном зашелся гнусавым смехом, и подзатыльник в итоге достался ему.

– Ай! – Коротышка вскрикнул по-детски пискляво. – За что?!

– Ну-ка тихо! – зло прошипел Лапоть, теряя терпение. – Все дело провалите! Один ноет, другой ржет... идиоты! Поджали задницы и двинули тенью за мной!

Тропа, ведущая к звоннице, растворилась в сгустившихся сумерках, и пришлось подниматься в гору, увязая по щиколотку в грязи. Продвигались медленно, спотыкаясь и падая. Зубья припрятанных под куртками ножей то и дело впивались в кожу, заставляя мужиков шипеть от боли и цедить ругательства. Обувь потяжелела от налипших комьев глины, одежда намочила от пота и мелкой мороси, роящейся в воздухе, а непрерывный студеной ветер бил в лицо, не давая дышать. Тучи клубились над звонницей, складываясь в причудливые картины, и Лаптю, не сводившему с колокола вождя взглядом, порой казалось, что с небес на него строго смотрят огромные внимательные глаза неизвестного старца-великана, лицо кото-

рого скрыто под развевающейся бородой. Лапоть считал себя мужиком не робкого десятка, в жизни не признавал никаких богов и считал, что байки о нечисти придумали такие же трусы, как Зяблик, который в потемках мог кота принять за черта. Но когда в глазах небесного деда сверкнули молнии, Лапоть взвизгнул, однако вовремя спохватился: сделал вид, что споткнулся и тотчас разразился бранью. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь заметил его испуг! Тогда точно разбегутся, а без помощи ему колокол до райцентра не дотащить. Нужно хотя бы до соседнего села добраться, а там он надеялся одолжить лошадь. В Кудыкино давно не было лошадей, и он понятия не имел, почему, но предполагал, что их съели в особенно голодные годы, как и всю остальную скотину и птицу. Только у Щукиных корова оставалась, и ту хозяин порешил этим утром.

Больше всего Лапоть боялся, что колокол окажется тяжелее двухсот пятидесяти килограммов. Если так, то весь план рухнет только потому, что им не под силу будет переместить большой вес на тележку. Перед тем как выдвинуться «на дело», Лапоть проверил «грузоподъемность» своих подельников с помощью весов и мешков с картошкой: сам он запросто поднимал сотню – два мешка по пятьдесят кило разом. Красавчик, тот тоже оказался не хилым – поднял семьдесят. У Зяблика от такого же веса подкосились ноги, и опытным путем был установлен Зябликов предел: не больше полусотни. А вот Гном совсем расстроил, но этого и следовало ожидать, с его-то гномьей комплекцией: больше тридцати этот карлик поднять не мог. Лапоть сложил результаты: вышло ровно двести пятьдесят – тот вес, который они вчетвером точно смогут поднять и переместить на небольшое расстояние. Дальше они повезут колокол на тележке, что намного легче. Лапоть и тут все проверил: нагрузив тележку картошкой с максимальным для них весом, он, хоть и с трудом, но смог катить ее один, толкая перед собой. Вдвоем получалось почти без усилий, но это по твердой земле, утоптанной и уже просохшей, какая была у него за домом: снег он там давно весь счистил. Дорога в соседнее село еще сырая, вся в лужах, поэтому катить тележку лучше втроем, а Гному можно поручить подкладывать доски в особенно вязких местах – досками Лапоть специально запасся. Он все предусмотрел, ведь давно мечтал, что однажды сделает это – сдаст чертов колокол «на лом». «Камазы» и в прошлом году приезжали в райцентр за металлом. Но, сколько Лапоть ни уговаривал водителей, те наотрез отказывались ехать в Кудыкино, едва взглянув на карту: к селу вела одна-единственная грунтовая дорога, а те прекрасно знали, каковы эти дороги в межсезонье.

Когда Лапоть добрался до звонницы, сердце готово было выскочить из груди. Он сделал над собой усилие, чтобы не рухнуть на четвереньки от изнеможения, лишь обхватил выливанный дождями деревянный столб, прислонившись к влажной древесине горячей щекой, и подумал потрясенно: «Как же этот Звонарь ходит сюда дважды в день? Ведь он меня лет на двадцать старше!» Вспомнилось, как в детстве вся сельская детвора во главе с самим Лаптем донимала дядю Юру просьбами «дать позвонить», и тот, обычно суровый и неприступный, однажды сделал им всем подарок: взял с собой на гору и, по очереди усаживая каждого к себе на плечи, позволил подергать веревку, к которой крепился колокольный язык. Лапоть – тогда еще Гришка – просто обалдел от восторга и чувство это помнил до сих пор. Наверное, поэтому он попытался договориться со Звонарем о продаже колокола: по-хорошему ведь хотел! Поделиться предлагал! Ясно, что, обнаружив пропажу, Звонарь сразу поймет, кто вор, но Лапоть его не боялся. Ничего постаревший дядя Юра ему не сделает, в этом не было никаких сомнений. Только вот, что удивительно, его терзало какое-то гадливое чувство к самому себе, прежде ему незнакомое.

За спиной послышалось тяжелое дыхание приближающихся подельников.

– Ф-фу, зараза! Я уж думал, не дойдем! – задыхаясь, прохрипел Гном. – Снизу-то близко казалось!

– А мне показалось, что мы на одном месте топчемся! – Зяблик плюхнулся прямо на землю и прислонился спиной к одному из столбов, образующих основание звонницы. – Гора будто заколдованная!

– Вечно тебе чертовщина мерещится! – с презрением произнес Лапоть, вспоминая глаза небесного старца и думая о том, как хорошо, что Зяблик их не заметил.

В это время Красавчик стоял, задрал голову, и внимательно изучал перекладину, на которой висел колокол.

– Металлические скобы, – определил он. – Жаль, я думал, будут кожаные ремни.

– Что? Значит, не выйдет? – спросил Зяблик скорее с надеждой, нежели разочарованно – похоже, даже обрадовался тому, что операция закончится, не начавшись.

– Еще как выйдет! – огорчил его Красавчик. – Просто мы не крепление будем пилить, а балку, на которой колокол висит.

Все четверо одновременно посмотрели вверх, оценивая сложность предстоящей работы. Гном присвистнул, а Зяблик заныл:

– Что, пилить, сидя на ней? Это ж самоубийство – на такой высоте!

– Нет, дурень! Отпилим с двух концов, а когда балка упадет, колокол сам слетит с нее, – объяснил Красавчик.

– А если вся эта хрень развалится? – Голос Зяблика дрожал, будто тот готов был заплакать.

– Чего паникуешь?! Нормально все будет! – рявкнул Лапоть и попытался потрясти столб, за который держался. – Крепко стоит, никуда не денется. Залезай!

– Почему сразу я? Вдвоем же надо! – Зяблик исторг стон умирающего.

– Ты – с одной стороны, Красавчик – с другой. Гном слишком мелкий, сил маловато, долго пилить будет. Ну, а я, на правах вожака, буду снизу весь процесс контролировать, – пояснил Лапоть и, хлопнув ладонью по столбу, скомандовал: – Старт!

Отступив назад, он с довольным видом наблюдал за карабкающимися по перекладинам поделщиками, уверенный в успехе операции. В его воображении колокол уже стоял на грузовых весах в пункте приема металла в райцентре, а в руках приятно похрустывала только что полученная толстая пачка денег. Казалось, сытая жизнь была не за горами: полки холодильника в его доме вскоре прогнутся под тяжестью хорошей еды, морозилка заполнится мясом, а в сенях станет тесно от ящиков с водкой и даже – а почему бы и нет? – с коньяком! Может быть, если не забудет, он купит жене какой-нибудь подарок. Да, и еще шоколадных конфет ребятам. Они их в жизни не пробовали.

Голос, полный ярости, грянул за спиной у Лаптя, прервав его мечты.

– Стой, паразиты! Не трожь! Урою всех!

Прежде чем на голову Лаптя обрушился кулак разгневанного Звонаря, появившегося внезапно, будто из-под земли, главарь шайки успел услышать донесшийся сверху пороссячий визг Зяблика, а следом – хруст треснувшего дерева, после чего мощный удар сбил его с ног. Опрокинувшись на спину, он замер, потрясенный разворачивающимися событиями: один конец поперечной балки с треском оторвался от основной конструкции и рухнул вниз, а другой, надломленный, еще держался каким-то чудом. Колокол заскользил вдоль балки вниз, ускоряясь, и край купола с ходу врезался в лоб не успевшего отскочить Звонаря. Страшный удар отбросил его далеко в темноту. Лапоть пытался найти взглядом место падения, но тут его отвлек крик Гнома – коротышка мчался вниз с горы, спасаясь от катящегося следом колокола. Он попытался уклониться в сторону, но колокол, как заколдованный, подскочив, повернул следом и настиг несчастного, после чего тот исчез из поля зрения Лаптя. Судя по жутким воплям, Гному здорово досталось. Почти сразу же к его крикам добавилась матерная брань Красавчика и причитания Зяблика, в которых Лапоть разобрал только: «так и знал, что все плохо кончится» и «говорил же, что гора заколдованная».

– Ты цел? – спросил главаря подошедший Красавчик. Вид у него был растерянный.

– Цел, – ответил Лапоть, поднимаясь на ноги и машинально отряхиваясь – на самом деле ему было безразлично, запачкался ли он, просто хотел занять трясущиеся руки.

– Как мы будем все это разгрести? – истерично спросил Зяблик срывающимся голосом, вытягивая шею и вглядываясь в темноту. – Думаете, они еще живы?

– Ну ты меня и задолбал! – не выдержал Лапоть и, сам того не ожидая, двинул вечно ноющему поделнику кулаком в лицо.

Тот пошатнулся и, повернувшись, побежал прочь, тонко повизгивая.

Первым нашли Звонаря. Он лежал на спине, раскинувшись звездой, и не подавал признаков жизни. Красавчик посветил фонарем ему в лицо – плотно сомкнутые веки пострадавшего даже не дрогнули. Из раны на лбу текла кровь.

– Черт с ним! Сам виноват, сам башку подставил! – Лапоть с досадой сплюнул в сторону. – Пошли, Гнома поищем.

Когда луч фонаря выхватил из темноты распростертое на тропе тело карлика и осветил его неестественно вывернутую шею, оба они одновременно выругались: было ясно, что бедняге уже ничем нельзя помочь. «Ладно, все равно с него толку не было», – подумал Лапоть и глянул на Красавчика – похоже, тому пришла в голову та же мысль.

Сбежавшего Зяблика нигде не было видно. Тело Гнома волоком спустили с горы и спрятали в зарослях вербы. Сделать это было не трудно: весил коротышка мало, а идти вниз было намного легче, чем карабкаться вверх. Неподалеку должна была стоять приготовленная для перевозки колокола грузовая тележка, но ее нигде не было, как и самого колокола. Лапоть и Красавчик облазили горный склон вдоль и поперек, исследовали все овраги и заросли у подножия горы, но тщетно: и тележка, и колокол как сквозь землю провалились. Лишь спустя несколько часов бесплодных поисков, когда небо над горой из чернильного стало грязно-серым, Лапоть вдруг злобно выругался и воскликнул:

– Зяблик! Он колокол укатил – больше некому! Убью падлу!

– Куда ему, одному! – с сомнением возразил Красавчик. – Мы вчетвером колокол едва поднимали. Как он мог его на тележку-то один затащить?

– Так ведь некому больше!

– Ну... – Красавчик хмыкнул, помолчал, а затем огорошил поделника неожиданным предположением: – Помнишь, Зяблик говорил, что гора заколдованная? Я вот думаю: может, и правда? Пошли отсюда, от греха подальше, ну его... Колокол этот!

– А я тебя умным считал! – Лапоть скривился в презрительной гримасе, но на самом деле мысли о вмешательстве высших сил тоже переполняли его голову. Как назло, вспомнились глаза небесного старца, увиденные им в причудливом переплетении ночных туч, подсвеченных робко выглядывающей луной. «Божья кара!» – пронеслось в голове, и впервые в жизни Лаптю стало по-настоящему страшно. Что, если колокол тот и вправду был заколдованный? И гора тоже? Ведь болтают в селе, будто это и не гора, а курган, в глубине которого похоронены древние предки кудыкинцев, погибшие то ли в какой-то битве, то ли от неизвестного мора, – вроде как курган возвели оттого, что умерших было слишком много и хоронить их было негде. Может быть, сейчас их разгневанные души собрались над горой и готовятся обрушить наказание на головы грабителей, дерзнувших похитить их святыню? Может быть, и Зяблик валяется где-то со сломанной шеей, а вовсе не сбежал вместе с добычей? Может быть, и добыча исчезла потому, что души мертвых взяли колокол под свою защиту и сделали его невидимым? Кто знает, что тут происходит! Лучше убраться подальше да поскорее, пока Кудыкино еще досматривает свой последний сон и можно проскользнуть домой незаметно. А потом, когда найдут на горе тело Звонаря, решат, что это несчастный случай: обломилась балка во время звона, да и все. Гнома в кустах вообще никто не найдет, а колокол искать никто не будет – кому

он нужен! Никто ведь больше не знает о «камазах», собирающих металлолом в райцентре. И даже не подозревает, сколько стоит там килограмм чистой меди.

Подумав об упущенной прибыли, Лапоть чуть не взвыл. Но ничего другого не оставалось, как отправиться восвояси несолоно хлебавши, спрятав лицо под низко надвинутым капюшоном куртки, чтобы, даже если кто и увидит двух мужиков на улице в такой ранний час, не смог их узнать. Подельники бесшумно крались вдоль заборов, как коты, подбирающиеся к хозяйской крынке со сметаной: к счастью, за ночь подморозило, грязь затвердела и не чавкала под ногами, а покрытые ледяной коркой лужи оставались в стороне, в вытоптанной посреди улицы колее. Плотно прикрытые ставни на окнах домов не только берегли покой хозяев, но и надежно скрывали от их глаз происходящее снаружи. Лапоть и Красавчик, уже уверенные в том, что им удастся пройти по селу незамеченными, беспрепятственно добрались до конца улицы, свернули на соседнюю и поравнялись с домом старухи Двухзубовой, как вдруг обоих будто пригвоздило к месту: воздух рассек дикий крик и, подобно камню, брошенному хулиганом, разбил сонную тишину, словно тонкое стекло, на множество звенящих осколков. В первое мгновение Лаптю показалось, что его сердце разорвалось, и он сейчас рухнет с инфарктом. Он вцепился в плечо Красавчика, и тот пошатнулся, чудом удержавшись на ногах. Крик повторился еще громче, калитка в заборе рядом с ними распахнулась, и из нее выскочила растрепанная Нюра, внучка Двухзубовой. Увидев прямо перед собой силуэты мужчин, ахнула, резко отшатнулась в сторону и, голося, помчалась куда-то, кроша босыми ногами хрупкий лед в застывших лужах.

Где-то в соседнем доме скрипнула дверь, и в темноту улицы вклинился сноп света.

– Чего там стряслось? – раздался недовольный мужской голос, а за ним последовало женское причитание: «Не ходи туда, мало ли чего!»

– Убивают кого-то, что ли? – послышалось из дома напротив.

Лапоть понял, что надо срочно уносить ноги, пока разбуженные соседи не начали выходить на улицу, и беззвучно потянул Красавчика за собой. Если что-то и вправду случилось в доме Двухзубовых, не стоит попадаться людям на глаза, чтобы не оказаться под подозрением. А что именно там произошло, они и так узнают: наверняка кудыкинцы весь день будут перемалывать свежие новости на каждом углу.

Крики Нюры, разлетавшиеся далеко за пределами Кудыкино, достигли опушки леса, где обливающийся потом Зяблик остановился передохнуть: последние полчаса он из последних сил толкал тележку с колоколом, спеша скрыться за деревьями до рассвета, хотя сам не понимал, почему так поступил. Убегая после оплеухи Лаптя, он спустился с горы и очень удивился, увидев колокол, лежащий прямо в приготовленной для его перевозки тележке. Возможно, скатываясь по склону, колокол подскочил, ударившись о корягу или пень, и по счастливой случайности попал именно в нее. Зяблик решил, что это подарок судьбы, от которого нельзя отказываться, ведь других подарков может больше и не быть. Он навалился на перекладину тележки, совершенно не думая о том, что Лапоть и Красавчик могут броситься за ним вдогонку и отомстить за похищенную добычу. Тележка, как ни странно, поддалась. Может быть, от того, что дорога шла под уклон, а может, от того, что бурлящий в крови адреналин прибавил сил, Зяблику легко удавалось катить тяжелый груз. Но недолго. Спустя какое-то время каждый шаг стал даваться все труднее, и только страх быть пойманным не позволял остановиться для передышки. Когда Зяблик, изнывая от усталости, с треском вломился в густой подлесок, ладони его саднило от содранных мозолей, а перед глазами плыли красные круги. Он уже понимал, что до райцентра с колоколом ему не добраться, и раздумывал над тем, где бы понадежнее припрятать трофей, чтобы отправиться в соседнее село за лошадью. Едва присев на край тележки и вытянув перед собой натруженные ноги, Зяблик тут же вскочил, потревоженный далекими криками. Прислушавшись, он определил, что кричит какая-то женщина, и, похоже, со стороны Кудыкино. Неужели там случилось что-то? «Если бы в селе стало известно о происшествии на горе, голосила бы не одна баба, а целый хор, – размышлял он, чувствуя растущее внутри

беспокойство. – Кажется, дело не в пропаже колокола и не в том, что Звонаря и Гнома нашли со свернутыми шеями. Что же тогда? Не многовато ли событий для одной ночи?»

Тяжко вздохнув, Зяблик взялся за ручки тележки и непроизвольно взвыл от обжигающей боли в ладонях. Желание убраться подальше от села заставило его снова идти вперед, преодолевая усталость. Сжав челюсти и постанывая, он навалился грудью на металлическую перекладину между ручками, толкнул ее всем своим весом и медленно зашагал, теша себя мечтами о том, как продаст колокол, получит деньги и никогда не вернется в эти края.

Рассвет едва пробивался сквозь зловещую мглу, нависшую над хилыми больными соснами. Далеко позади угрожающе рычала гроза, но Зяблику казалось, что это скопище хищных зверей подбирается к нему все ближе, еще не видит его, но отчетливо чувствует след. Он боязливо озирался, обреченно поскуливая, как пес, окруженный стаей волков. Налетел сильный ветер, зашумели над головой облезлые хвойные кроны, зашатались тонкие почерневшие стволы, наполняя все пространство скрипом, похожим на предсмертный зубовой скрежет. Захотелось бросить добычу и бежать со всех ног куда глаза глядят, но тут перед глазами закружилось несколько сухих листьев, каким-то чудом уцелевших на ветвях осин после зимы и теперь сорванных яростным порывом. Их шуршание напомнило Зяблику шелест денежных купюр, и страх отступил перед желанием наполнить карманы деньгами. Но как только упрямый мечтатель решил, что разгулявшаяся стихия его не остановит, под ногами тут же громко захлюпала вода. Пришлось притормозить, чтобы посмотреть, не угодил ли он ненароком в русло ручья. Увиденное потрясло Зяблика: позади него во всю ширину леса темнела гигантская лужа! Из нее вытекало множество тонких извилистых струек, разбегавшихся повсюду. Зяблик не мог поверить своим глазам, ведь только что здесь было сухо! Откуда взялось вдруг столько воды, если дождь так и не начался, не считая висящей в воздухе мелкой мороси? К тому же вода продолжала прибывать прямо на глазах, наступая на лес широким фронтом. «Наводнение?» – паническая мысль заставила быстро принимать решение. «Деньги деньгами, а шкура дороже», – подумал Зяблик и, поднатужившись, загнал телегу в заросли осинника. Там он, как мог, прикрыл колокол прошлогодними листьями, отдирая от земли крупные слежавшиеся пласты. Затем вытянул из-под куртки серый шерстяной шарф с красными полосками и обвязал его вокруг ствола ближайшей сосны. Скоро он сюда вернется, а сейчас нужно поторапливаться. Кто знает, чем это подтопление закончится. Старики из Кудыкино сказывали, что в былые времена река по весне выходила из берегов и заливала избы под самую крышу. «Теперь-то вряд ли, ведь и реки никакой нет, ушла куда-то, – пытался успокоить себя Зяблик и тут же сам себе возразил: – Но ведь была же? Значит, может снова вернуться!»

Между лесом и селом темнел горб Кудыкиной горы. Можно было пойти назад, взобраться на горный склон и переждать потоп в безопасности, понаблюдать оттуда за подъемом воды. Только вот уже рассвело, и там его могли заметить односельчане. Как только минует угроза наводнения, придется всем объяснять, что случилось с Гномом и Звонарем, почему звонница сломана, а колокол исчез. Поэтому Зяблик отмел этот вариант и решил идти к соседнему селу. Бросив прощальный взгляд на припрятанный в кустах колокол, он свернул к опушке леса, но, едва вышел на открытое место, почувствовал, как земля уходит у него из-под ног в буквальном смысле: течение воды здесь было намного сильнее, чем в лесу, где потоку препятствовали стволы деревьев и заросли кустарника. Зяблик пошатнулся, с трудом удержав равновесие, и огляделся. Вначале показалось, что прямо на земле распростерлось небо, кишашее вертявыми тучами: похожие на клубки рассерженных змей, они стремительно ползли к нему, поблескивая влажными извивающимися телами. Лишь в следующий миг Зяблик осознал, что на самом деле это вода – везде, везде вода! – и небо отражается в ней. Окружающая картина была настолько нереальной, что легче было предположить, будто это какой-то галлюциногенный приступ, чем поверить собственным глазам. Зяблик перевел взгляд на свои ноги: вода совсем чуть-чуть не доходила до края его резиновых сапог, а те были почти до колен. Стоять на месте было трудно:

течение все настойчивее пыталось увлечь его за собой. Пришлось повиноваться и пойти туда, куда толкала его разгулявшаяся стихия. Вскоре сапоги наполнились водой, брюки потяжелели, пропитавшись влагой, а пальцы ног начало ломить от холода. Идти было все труднее, и Зяблик очень боялся упасть. Уровень воды был не слишком высок, и вряд ли он поднимется настолько, чтобы скрыть взрослого человека с головой, но Зяблик не боялся утонуть. Его терзал другой страх: в какой-то момент он начал подозревать, что внутри потока воды перемещается что-то живое и многочисленное – такое же подвижное, как змеевидные тучи, скользящие по небу. Может быть, от пережитых волнений у Зяблика разыгралось воображение, но иногда ему казалось, что вся вода вокруг него кишит змеями, и он как будто даже чувствовал, как они обвивают его ноги, сжимают их упругими телами, скрученными в плотные кольца. Конечно, такие ощущения могли возникнуть из-за холода, ведь вода была почти ледяной, но все же... Почему тогда, вместо того чтобы потерять чувствительность, он явственно ощущает, как что-то противно копошится прямо у него в сапогах и даже... под брюками? Что-то проникло под ткань и ползет вверх по голени – ужасно склизкое, длинное... Зяблик остановился и, рискуя упасть под натиском течения, ударил по ноге ладонью в надежде прихлопнуть ползучего гада, но или тот успел увернуться в последний момент, или все-таки это была игра воображения. Казалось, неуловимое существо переместилось, но Зяблик и там не смог его поймать, хотя, вроде бы, успел заметить, как нечто, похожее на маленькую змейку, юркнуло по брюкам вниз и скрылось под голенищем.

Всматриваясь в темную щель между брюками и резиновым краем сапог, боковым зрением Зяблик уловил движение рядом с собой, в воде. Вглядевшись в глубину, он широко распахнул глаза, цепенея от ужаса: вокруг него плавали темные пятна сбившихся в стаи водяных гадов – то ли мелких змей, то ли крупных черных червей; разглядеть эти кишасщие клубки было трудно, но только теперь Зяблик понял, что это не отражение туч. Он опустил руку в воду, собираясь схватить несколько особей, чтобы рассмотреть их поближе, но внезапно ему стало не до этого: резкая боль пронзила кожу рядом со щиколоткой, будто в нее впилося что-то. Что-то вроде мелких острых зубов.

Зяблик закричал и захлопал себя по ногам, запрыгал на месте, а потом попытался снять сапог, но упал, растянувшись во весь рост, и забил по воде руками, поднимая каскады брызг. Солнечный луч вынырнул из просвета между клубящимися тучами, и крупные капли воды налились красным: в них отразился блеск медного колокола, спрятанного наспех и потому видневшегося в переплетении голых осиновых ветвей неподалеку. Зяблик заметил этот блик и даже успел удивиться тому, что отошел от тайника совсем немного. Но больше ему не удалось сделать ни шагу, хотя он и пытался встать, взбрыкивая всем телом. Медного цвета брызги метались над ним еще долго, но тучи давно сомкнулись: солнце и колокол были уже ни при чем.

В тот миг, когда над Зябликом осели последние капли, на Кудыкиной горе Звонарь открыл глаза и удивленно уставился в небо, пытаясь понять, куда исчезла крыша его дома. Только спустя несколько секунд он понял, что лежит на голой холодной земле, насквозь промокший. При попытке встать ему не сразу удалось оторвать голову от земли, и пришлось поднимать ее, обхватив руками: шея почему-то не справилась. Тупая боль наполняла все пространство внутри черепа, давила на лоб, виски и затылок, отдавала в зубы. Картина перед глазами изменилась: кроме неба, на ней появилось камышовое поле, залитое водой. Звонарь растерянно моргнул, не понимая, откуда взялось столько воды. Боясь двигать головой, обвел глазами пространство перед собой. В поле зрения попала знакомая конструкция из бревен. «Звонница», – вспомнил он. Только в ней чего-то не хватало. «Колокол! Он исчез!» – вслед за внезапной догадкой нахлынуло тревожное ощущение, будто кроме пропажи колокола произошло что-то еще, страшное и непоправимое, но ничего конкретного на ум не приходило, лишь душа нестерпимо заныла, как по усопшему.

Со стороны Кудыкино донесся протяжный женский крик. Звонарь повернулся на звук и вздрогнул: показалось, все жители села высыпали на улицы. Возле дома Двузубовых яблоку негде было упасть. На таком расстоянии людской гомон напоминал беспокойное пчелиное жужжание. Вдруг крик повторился, и Звонарь заметил женщину в белом, пытавшуюся вырваться из рук нескольких удерживающих ее односельчан. Она билась отчаянно, как пойманная птица, и каким-то чудом все-таки смогла вывернуться. Длинные волосы взметнулись за ее спиной, когда она, расталкивая толпу локтями, стремглав бросилась бежать. И тотчас над селом взвилось многоголосое бабье причитание, однако погони за беглянкой не возникло. Все кричали ей что-то вслед – не угрожающе, не зло, а как будто жалеючи. Женщина, не оборачиваясь, достигла окраины, миновала последние дома и... влетела в воду, подняв фонтан брызг. «Откуда столько воды?» – снова удивился Звонарь, оглядывая местность. Солнце, как по заказу, вышло из-за туч и осветило масштаб бедствия: вода была всюду – залила не только камышовые степи, но и улицы Кудыкино.

Тревожные крики толпы разбудили Щукина, устроившегося на сеновале внутри сарая, где его заперли из-за нападения на старуху Двузубову. Народ вопил снаружи, как при пожаре, но гарью не пахло. Снедаемый любопытством, Щукин стряхнул с себя слой сена, спрыгнул вниз и охнул от неожиданности: его ноги оказались по колено в воде. Озадаченный и обозленный странным обстоятельством, он прыжками направился к двери – угодить в ледяную воду, да еще спросонья, было до ужаса неприятно. Дверь была по-прежнему заперта, но на этот раз он не собирался мириться с этим обстоятельством: отступил на пару шагов и с разбегу ударил плечом по двери, хоть и жаль было ломать собственное имущество. Хлипкие доски хрустнули, и дверь вывалилась наружу, скосившись набок. От вида залитого водой двора Щукина охватила паника. «Нина! – заорал он диким голосом, делая гигантские прыжки к крыльцу своего дома. – Нина! Колька! У нас потоп, что ли?!» Поднимаясь по ступеням, Щукин порадовался, что при постройке дома решил соорудить подпол повыше – как знал. Может быть, благодаря этому вода и не доберется до порога.

Ни жены, ни детей в доме не оказалось. Промчавшись со скоростью урагана по горнице и спальням, Щукин выбежал обратно на крыльцо и остановился, разглядывая ворчащий людской поток, растянувшийся вдоль забора. В мешанине голосов чаще всего слышались слова: «Затопило» и «Отомстила». Вдруг над головами односельчан вместе с отчаянным воплем «Вон кто виноват!» вытянулась чья-то рука, указывающая прямо на Щукина. И вся толпа начала медленно стекаться к его воротам. Калитка распахнулась, и кудыкинцы с решительным видом повалили во двор. Щукин был до того удивлен происходящим, что даже не подумал отступить – так и стоял, пока его не схватили за грудки и не стянули с крыльца. Только когда его босые ноги вновь погрузились в ледяную воду, он протестующе завопил:

– Что творите-то, а?!

– Что-что... из-за тебя наводнение случилось, вот что! – свирепо выкрикнули откуда-то сбоку.

– Ты ведьму разгневал, вот она и прокляла все наше село!

– Все теперь погибнем!

– Из-за тебя!

– Да с чего это?! – возмущенно воскликнул Щукин. – Скажите толком, чего стряслось-то?!

– А то стряслось! – ответил один из мужиков, удерживавших Щукина. – Нюрка сказала, что бабка ее еще с вечера в болота ушла и не вернулась!

– Ну, а при чем тут я и потоп?

– При том! – люди загалдели хором. – Ясен пень, для чего она к ночи на болота подалась!

– Чтоб нечисть в помощь призвать!

– Всех утопить решила!

– А все ты, душегуб проклятый! Разозлил старую ведьму! Теперь вода стоит под самым порогом, того и гляди хату зальет! Все добро попортит!

– Ничего, просохнет твое добро! – огрызнулся Щукин. – А Дуську за ведьмовские проделки утопить надо в том болоте! Где она, сама-то? С нее почему за потоп не спросите?

– Нет ее, Нюрка всю ночь бегала, везде искала. Все село вдоль, поперек и вокруг обегала – нигде ее нет. Как сквозь землю провалилась! – ответили из толпы.

– Ясное дело, ведьма навела беду и схоронилась где-то! – предположил кто-то.

– Она, поди-ка, невидимой сделалась! – прозвучало совсем фантастическое предположение, и версию тотчас подхватили:

– Точно! Ведьмы такое умеют!

– Да-да, я слыхала, они для этого кошек в котле варят, пока с них все мясо не слезет, а потом их кости на нитку нанизывают навроде бус и на шее носят.

– Что-то слишком просто! – возразили рассказчице. – Тогда бы все могли в невидимках ходить!

– Ну, дак это ж надо еще заклинанья читать, пока кошки варятся! – пояснила женщина, поведавшая о магическом ритуале. – А потом, еще и место правильное для варки выбрать, досужему взгляду недоступное!

– Такое место в подполе у ней, чего ей выбирать! – перебил женщину сутулый старичок, взметнув в воздух корявую тросточку. – Вчерась оттедова вареной кошатиной несло – я мимо шел да сразу учуял!

– Во заливаешь, деда Вася! Во сказочник-то! – расхохоталась другая женщина, и на ее толстых щеках появились глубокие ямочки – верная примета отчаянных хохотушек. – Откуда ж тебе знать, как вареные кошки-то пахнут? Или сам варил, а? Признавайся, может, и ты приколдовываешь втихушку? То-то я смотрю, все с тросточкой, с тросточкой, а нет-нет, да и заскачешь зайцем? Откуда прыть-то берешь?

– Я вот тебе покажу!.. – Старичок не смог договорить, возмущенно задохнувшись, и трость мелко затряслась в его поднятой дрожащей руке.

В толпе послышались смешки и шутки на предмет стариковской прыти, подогретой на самогонке и кошачьем отваре, тревога на лицах сменилась улыбками, но потешался народ недолго: внезапно люди во дворе щукинского дома смолкли, прислушиваясь к встревоженным голосам с улицы:

– Смотрите, Звонарь с горы спускается! А колокол-то не звонил нынче, кажись!

– Дык и нету колокола! Гляньте, звонница пустует! Ну и дела...

– Погодите, дите какое-то в руках у него, что ли?

– Похоже на то... Только вот... Мертвое дите как будто! Или кажется?

– Не кажется, вон лицо-то синее совсем!

– Так не дите это... Это ж Гном, карлик!

– Точно! Помер, что ли? А чего?

– Может, убили?

– Неужто Звонарь его порешил?!

Услышав эти разговоры, люди потеряли к Щукину интерес и устремились к выходу со двора, заинтересованные новыми событиями. Сам Щукин вернулся в сарай за сапогами, которые позабыл надеть, потрясенный обнаруженным подтоплением. Ему тоже не терпелось выйти на улицу и узнать, что происходит, но с босыми ногами это было не только несолидно, но еще и рискованно: от ледяной воды пальцы ног уже потеряли чувствительность, так можно было и напрочь их отморозить. К тому же тревожило отсутствие в толпе жены и детей: куда же они все запропалились? «Найду – всем всыплю! Особенно Нинке, за подлость ее беспредельную! Всю ночь мужика взаперти в сарае продержат – это ж надо! Разве еще бывают такие стервы?!» – С этими мыслями Щукин вышел за ворота и оказался среди плотно столпившихся односельчан,

окруживших его соседа, дядю Юру по прозвищу Звонарь. Тот выглядел как-то странно: на бледном лице застыло горестное выражение, а взгляд рассеянно метался из стороны в сторону, не останавливаясь ни на секунду. С его рук свешивалось безжизненное тело знакомого коротышки Гнома, которого Щукин часто видел в компании заядлых выпивох Лаптя, Красавчика и Зяблика.

На Звонаря со всех сторон градом сыпались вопросы:

– Как случилось-то?

– Ты где нашел-то бедолагу?

– Да обскажи хоть в двух словах!

Звонарь молчал, неподвижно замерев в кольце людей.

– Э, да он не в себе! Будто не слышит никого и не видит!

– Мужики, заберите у него покойничка да в родную хату отнесите!

– Гном у Лаптя живет... жил... Надо к нему, наверное.

– Звонарь! Эй, Юрка! Не ты ль его прибил-то, а?! Чего молчишь?!

– Дайте ему водки, что ли! Иль по морде!

– Ты и дай, коль умный такой! Ну как сдачи прилетит?

– Какой сдачи? Он вообще замороженный!

Кто-то осмелился похлопать Звонаря по щекам. Тот моргнул и плавно поднес руки к лицу – Гнома у него уже забрали. Народ испуганно отшатнулся в сторону, но Звонарь не собирался бить в ответ, вместо этого он медленно потрогал свой лоб и поморщился.

– Э, да он сам, вон, раненый! – заметили в толпе.

– Бились они с Гномом, что ли?

– Может, из-за колокола? Видели, что звонница пустая? Чую, в этом все дело! – высказал догадку старичок с тросточкой.

– Эй, Юрий! Колокол твой куда делся? – тут же спросили из толпы.

Звонарь снова моргнул, опустил руки и обвел всех растерянным взглядом. А потом неожиданно спросил, эхом повторяя последний вопрос:

– Колокол-то куда делся?

– Так это ты нам расскажи, куда он делся! – воскликнул старичок, которого недавно обвиняли в колдовских замашках.

– А я не знаю... – Звонарь приподнял брови и, глупо улыбаясь, развел руки в стороны.

– Да не скажет он! Контузия у него, не видите? – высказалась круглолицая женщина с ямочками на щеках. – Лучше фельдшера позовите!

– Да пусть идет домой, на диване отлежится. А лучше – на чердак залезет, а то вода-то у него уже крыльцо закрыла... Смотрите, вода-то прибывает! Поди, уж в избах у всех вода! А-а!

Люди вдруг заметили, что уровень воды заметно вырос, и начали быстро расходиться, спеша к своим домам в надежде спасти какие-то вещи и продукты от порчи. Очень скоро Звонарь и Щукин остались на улице одни. Как только голоса людей поутихли, откуда-то издалека, со стороны болот, донесся протяжный тоскливый вой. Голос походил на женский, и Щукин испуганно подумал о жене и детях: не случилось ли чего дурного с ними – ведь они так и не объявились. Звонарь медленно повернул голову вбок и замер, прислушиваясь.

– Воет... – произнес он невыразительным тоном, как будто речь шла о том, что пошел дождь.

Щукин хотел было бежать в поле на поиски жены, но тут вдруг и она, и старший сын появились в поле зрения, вывернув из-за поворота.

– Нина! Где тебя носит?! – Щукин принял угрожающий вид, уперев руки в бока, словно и не переживал только что за супругу.

Та, увидев его, ускорила шаг. Глаза у нее были испуганные.

– Лешенька пропал! Обыскались кругом, нигде нет! – выкрикнула она на ходу и, споткнувшись, взмахнула руками и схватилась за плечи мужа. Тот машинально придержал ее и почувствовал, что все тело ее трясется, как в лихорадке.

– Его нет, его нигде нет! Нигде нет! – повторяла она, как заведенная.

Щукин тихо выругался, взглянул на стоящего рядом старшего сына Кольку и спросил коротко:

– Как так?!

– Мы под утро проснулись из-за криков с улицы, люди чего-то шумели, – забормотал Колька, весь белый от страха, – похоже, боялся гнева отца. – Мамка пошла посмотреть, что стряслось, и я за ней – не отпускать же одну, мало ли чего... Там Нюрка бегала, орала, что баба Дуся исчезла. А потом вода появилась. Люди из домов повыходили, стали смотреть, что за вода, откуда... Потом Нюрку еще пытались поймать, но она все равно убежала. Когда мы с мамкой домой пришли, Лешки уже не было. Весь дом обсмотрели, а потом пошли на улицу искать. Вокруг села на два раза обошли, звали его, а он не откликается... Ой! – Мальчишка схватился за щеку в том месте, где ее обожгла отцовская оплеуха.

– Не бей! – Нина с умоляющим видом вцепилась в руки мужа. – Это я, я виновата! Дверь не заперла! А он же лунатик у нас, я тебе не говорила – расстраивать не хотела. Почти каждую ночь по дому бродит наш Лешенька! Все к окошку подойдет, смотрит, улыбается, бормочет что-то. Будто видит кого-то во тьме. Вот, знала о том и не уберегла! Убей меня, дуру непутевую!

– Сына пошли искать. Потом убью, – процедил сквозь зубы Щукин и, оттолкнув жену, бросился вдоль по улице к окраине села. Жена побежала следом.

Колька хотел пойти за родителями, но, едва сделав шаг, остановился, услышав слова стоящего истуканом Звонаря:

– Воет... Опять воет!

Из-за околицы по-прежнему доносились горестные заунывные причитания.

– То Нюрка бабку ищет, – кивнул Колька. – Говорят ей, иди домой, а она не слушает, убегает. Мне за ней бегать некогда. У нас Лешка пропал. Не видел Лешку?

Звонарь задумчиво возвел взгляд к небу, помолчал и вдруг выдал невпопад:

– А куда колокол делся?

– Дядь Юр, ну ты что?! Какой колокол?! Тут такое творится... Баб Дуся исчезла, Лешка пропал, да еще наводнение это неизвестно чем кончится! Подумаешь, колокол! Найдется, куда он денется!

– Нет! – Звонарь вдруг отрицательно замотал головой и зажмурился, выдавив из-под век две крошечные слезинки. – Нет! Колокол исчез, а значит, жди беды! В наших местах нельзя без колокольного звона, никак нельзя!

– Дядь Юр, тебе, наверное, отдохнуть надо. Пошли, я тебя в дом отведу. – Колька потянул Звонаря за руку, и тот неожиданно повиновался, как дрессированный зверь.

Вода медленно переливалась через порог, и посреди сеней уже образовалась огромная лужа. Звонарь затормозил перед ней и устался, как на нечто сверхъестественное, будто не вышел только что из затопленного по самое крыльцо двора.

– Во-он чего... Видишь, начинается! – медленно произнес он, тыча пальцем в направлении лужи.

– Ну ладно, первый раз, что ли, топит! – Колька подтолкнул соседа к входной двери. – Иди, дядь Юр, а то мне бежать надо, братишку разыскивать. Чего переживать-то? Подумаешь, половики намочит! Вот к обеду солнце припечет – вода и отступит. Не к обеду, так к вечеру. Ну, в худшем случае, к утру. А ты, на всякий случай, на чердак полезай, там тебе спокойнее будет.

Монотонный Колькин голос убаюкивал, и Звонарь вдруг понял, что нестерпимо хочет спать. По настоянию мальчишки он поднялся на чердак, не особо раздумывая, зачем. Колька

сразу куда-то исчез, но Звонарь решил, что это и к лучшему, потому что сил беседовать у него не было. Вообще ни на что не было сил. Рухнув на старый пыльный сундук, он вдруг подумал, что надо бы закрыть чердачное окошко (в него неприятно задувал холодный ветер с запахом сырой рыбы), но не смог встать и пару минут лежал, обозревая видневшуюся в проеме затопленную камышовую степь. Свинцового цвета вода почти сливалась с небом, отличаясь лишь торчащими повсюду клочками желтых стеблей. «То ли опоздал я, то ли поспешил», – прошептал Звонарь и провалился в беспросветное забытие без сновидений.

А когда проснулся, в чердачном окошке было черным-черно, и он не сразу понял, где находится. К головной боли добавилась ломота в костях от долгого лежания на деревянном ящике, конечности занемели, и тело плохо слушалось, поэтому, попытавшись подняться, Звонарь мешком осел на пол. Посидел немного, прислонившись спиной к сундуку и пытаясь припомнить последние события. Но собраться с мыслями помешали звуки, донесшиеся снаружи, с улицы: в глухой тишине отчетливо раздавалось чавканье грязи под чьими-то ногами и приглушенные голоса.

Глава 4. «По щучьему веленью, по моему хотенью...»

Незадолго до того, как Звонарь проснулся на чердаке своего дома, неподалеку от этого места в гуще камышовых зарослей постепенно приходила в себя только что выловленная из болота старуха. Молодая девушка, сидя рядом, ласково поглаживала ее морщинистое лицо, убирая прилипшие к коже седые пряди.

Взгляду Бориса открылись неприглядные щучьи черты спасенной: широкий рот с сильно выступающей вперед толстой нижней губой, длинный плоский нос, заканчивающийся прямо у рта, круглые, выпуклые как у рыбы, глаза. Женщина заговорила, и в темной прорези между губами блеснули мелкие острые зубки, усилив ее сходство с хищной рыбой:

– Выручил ты меня, добрый человек! От смерти спас!

– Как же это с вами случилось? – спросил он, гадая, что заставило пожилую женщину и ее внучку оказаться ночью в таком глухом заболоченном месте.

– Злые люди сгубить меня задумали, но высшие силы тебя на подмогу прислали. – От такого ответа Бориса бросило в дрожь. «Убийство?!» – недоверчиво покосившись на старуху, он переспросил:

– Зачем же кому-то вас губить?!

– Спрашиваешь! – Она затряслась в беззвучном смехе, и рот ее растянулся едва ли не до ушей, обнажая два ряда желтых зубов, смахивающих на крошечные наконечники копий. – Люди в своих бедах всегда виноватого найдут!

– Так в полицию надо заявить, чтобы наказали убийц! Ведь они снова могут напасть!

– Вот напасть их и накажет! – Бабка продолжала хихикать, удивляя способностью веселиться после того, что с ней произошло. Она сидела, вытянув вперед босые ноги, облепленные мокрым цветастым халатом. Девушка поддерживала ее, устроившись рядом и обнимая за плечи одной рукой.

– А кто они? Вы их узнать сможете? – Борис размышлял, что делать с бабкой дальше. – Давайте, я провожу вас до дома. А потом пойду в полицию и сообщу обо всем. Они задержат злодеев, и вам нечего будет бояться.

– Мне и теперь нечего бояться! – Старуха вдруг подняла лицо, и веселое выражение его резко сменилось злобным. – Теперь их черед бояться пришел! Бояться да кланяться!

Борис скептически отнесся к этим ее последним словам, подумав, что женщина наверняка не в себе, но виду не подал. Притворившись, что не расслышал, спросил:

– Так где, вы говорите, дом ваш? Далеко отсюда?

– Бли-изко, – протянула старуха, растягивая губы. Между двумя рядами зубов показался вздрагивающий кончик языка. Борис отвел взгляд от неприятного зрелища. А та продолжила каким-то странно довольным тоном: – Давне-енько у меня гостей не бывало! Да еще таких вот пригожих! Идем, что ль? Помогите-ка подняться.

Женщина, кряхтя, заворчалась, опираясь с одной стороны на внучку и хватая протянутую Борисом руку так цепко, что тот едва не взвыл от боли: ну и силища у бабки! Втроем они двинулись вперед под громкий треск ломающихся стеблей камыша. Борис с тоской оглянулся на лодку: той не было видно в зарослях. Он вздохнул, успокаивая себя тем, что теперь она ему вряд ли понадобится: скорее всего, вынужденный круиз по сибирским рекам завершился. Как только он проводит бабку с внучкой домой, сразу же найдет кого-нибудь, кто мог бы отвезти его обратно в город. На худой конец, узнает, где находится остановка общественного транспорта, и уедет ближайшим рейсом.

Вскоре показались очертания изб, жутких в лунном свете. Все они были как одна черные, склонившиеся набок, окруженные низкими развалившимися заборами. Борису казалось, если

заглянуть сквозь широкие щели в досках, можно увидеть под этими домами по паре курьих ножек.

– Что это за деревня, бабушка? – спросил Борис и заметил, как та недовольно зыркнула на него.

– Село Кудыкино. А меня зови Евдокия Павловна.

«Не понравилось, значит, что бабушкой назвал!» – догадался Борис.

Вмешалась внучка, молчавшая до этого:

– Да ладно тебе, бабуль! – и обратилась к Борису: – Баба Дуся она, все ее так зовут!

– Ну, пусть будет баба Дуся, – неохотно согласилась та и добавила загадочно: – Покамест.

Они вышли из зарослей камыша, чудом нигде не провалившись: под ногами все время чавкала грязь. Прошли по узкой улочке между домами. Ни в одном окне Борис не заметил света. На ближайшем заборе выгнулась дугой черная кошка, откуда-то снизу раздался хриплый лай разбуженного пса. Остановились у хлипкой серой калитки. Девушка щелкнула засовом и отворила ее, пропуская Бориса с бабкой во двор, затем, обогнав их, отперла дверь дома, узкую и низкую – Борис все равно стукнулся головой, хотя и нагнулся. Чиркнула спичка, и вспыхнул свет: внучка держала в руке фонарь с зажженной внутри свечой, освещая путь к следующей двери, ведущей из сеней в дом. Борис помог бабке переступить высокий порог и вошел следом. Внучка прикрыла дверь и, оставив фонарь на столе, отправилась в глубь дома. Баба Дуся опустила на крепкую лавку у стола и тяжело выдохнула:

– Вот и ладно! Присаживайся, Боренька! Оголодал, поди? Сейчас Нюрка нам угощение подаст.

Борис вздрогнул от неожиданности: он был уверен, что не называл своего имени! Или называл? Наверное, забыл от усталости. А подкрепиться-то не помешает! Но прежде хотелось утолить невыносимую жажду.

– Мне б водички попить, бабуль... Баб Дусь... Э-э... простите, Евдокия Павловна! – попросил он, запутавшись и не зная, как лучше обратиться.

Нюра уже протягивала ему большую железную кружку, какие обычно туристы берут с собой в поход на природу. Вода оказалась прохладной и невероятно вкусной, почти сладкой.

– Хороша у вас водичка! – похвалил Борис, выпив все до последней капли.

– Теперь-то – да, не то что раньше, – ответила бабка. Она сидела, откинувшись спиной к бревенчатой стене, и выглядела совершенно обессиленной.

– Тебе бы прилечь, бабушка! – Внучка протянула к ней руки, собираясь помочь встать, но та отрицательно помотала головой:

– Сперва пускай гость наш слово молвит. – И, посмотрев на Бориса, сказала: – За то, что спас меня, исполню три твоих желания. Проси, чего хочешь! А уж после спать пойду.

Борис растерялся. Надо же, а бабка, оказывается, та еще шутница!

Тем временем Нюра со стуком поставила на деревянный стол две большие тарелки: в одной горкой лежал сваренный в кожуре картофель, в другой – порезанный кольцами лук. «Небогатое угощение, но сейчас сойдет не хуже говядины по-императорски!» – Борис поспешно подхватил картофелину и с жадностью откусил.

– Так чего желаешь, Боренька? – повторила вопрос старуха, и ему показалось, что она над ним насмеяется. Что ж, раз бабуле так пошутить хочется, он пожелает – почему бы и нет? И, немного подумав, ответил:

– Первое: хочу оказаться дома не позднее, чем через час!

– Ладно! – Та кивнула, не переставая лыбиться своей страшной зубастой улыбкой.

– Второе: Хочу разбогатеть, как... Как... Ну, чтоб не заканчивались никогда деньги. Исполнишь такое желание?

– Не сомневайся, – кивнула бабка, и в ее хитрых глазах колыхнулось отражение пламени свечи.

– Ну, здорово! – Борис повеселел. Он доедал уже третью картофелину вприкуску с хрустящим луком. – Тогда... Э-э... Ну, третье-то исполнить непросто будет.

– Сказывай, не стесняйся, – ободряюще кивнула баба Дуся.

– Хочу, чтоб девушка одна полюбила меня больше жизни. Чтоб никого, кроме меня, видеть рядом с собой не желала. И чтоб не за деньги, а взаправду!

– А-а, вон оно что! – Старуха захихикала, и Борис чуть не подавился от возмущения: она издевается, что ли?! А он еще и подыгрывает! Но сдержал готовую сорваться с языка колкость и сказал: – Ну вот, так и знал, что это желание слишком трудное!

– Не трудное, – возразила бабка, – а только ты до того мне понравился, что я хотела внучку свою тебе в жены отдать.

Тут уж Борис действительно подавился и закашлялся до хрипоты. Куски картошки полетели изо рта во все стороны. Нюра с бабкой принялись колотить его по спине, и ему показалось, что его забьют до смерти быстрее, чем он задохнется. Но все-таки остался жив. Отдышавшись и утерев текущие по щекам слезы, Борис просипел:

– Прости, баб Дусь... Спасибо за внучку, но другую люблю, понимаешь?

– Да ты не смотри, что она страшенькая такая, просто еще время ее не пришло, – заворковала бабка и погладила Бориса по спине, слегка царапнув острыми ногтями, отчего у него вся кожа вмиг покрылась мурашками. – Вот увидишь, скоро глаз от Нюрки будет не отвести! Пожалее-ешь ведь... Соглашайся, ну? – Баба Дуся выжидающе заглянула ему в лицо.

– Нечестно так, Евдокия Пална, – произнес Борис сурово. – Вначале мои желания исполнить обещала, а теперь внучку сватаешь. Говорю, есть у меня невеста, и никто, кроме нее, мне на всем белом свете больше не нужен!

– Как зовут невесту-то? – Бабка прищурилась.

– Лера Красавина, – выдал Борис и тут же мысленно обозвал себя идиотом: ну какого черта?! Он же все равно в это не верит? Зачем имя назвал?

– А ты ничего не попутал, молодец? – Бабка склонилась к самому его уху и произнесла этот вопрос таким зловещим шепотом, что мурашки, исчезнувшие было, вновь забегали по его телу.

– Ладно, баб Дусь... Нюра... Ночь не спал. Постелите хоть коврик у порога, отдохну до утра и пойду, – попросил Борис, отстраняясь от бабки и решительно вставая из-за стола. – Спасибо, накормили, напоили!

Бабка откинулась на лавку и, по-прежнему улыбаясь, пристально смотрела на Бориса. «Ну что она такая довольная? – раздраженно думал он, ежась под ее взглядом. – Выжила из ума, наверное. А я, дурак, уши развесил, разоткровенничался! Да нет, не дурак я. Устал просто, сил больше нет! Никаких уже сил нет! Скорей бы утро, и домой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.